

книга вторая

СЕРДЦЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

ХРОНИКИ ВЫЖИВШИХ

МЭРИ Э. ПИРСОН

Мэри Э. Пирсон
Сердце предательства
Серия «Хроники Выживших», книга 2

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35010103
Сердце предательства: Издательство АСТ; М.; 2018
ISBN 978-5-17-106007-7

Аннотация

Она сбегает в день своей свадьбы. Крадет секретный документ из тайника. За ней охотятся наемники, отправленные в погоню ее отцом. Она – семнадцатилетняя принцесса Лия, Первая дочь дома Морриган. Правители королевства чтят устои предков и соблюдают старинные обычаи. Но есть традиции, с которыми Лия не желает мириться. Например, выходить замуж за того, кого она ни разу не видела – человека, избранного ей в мужья из политических соображений.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	24
Глава четвертая	30
Глава пятая	41
Глава шестая	44
Глава седьмая	51
Глава восьмая	66
Глава девятая	69
Глава десятая	83
Глава одиннадцатая	98
Глава двенадцатая	102
Глава тринадцатая	123
Глава четырнадцатая	128
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Мэри Э. Пирсон

Сердце предательства

Copyright © 2015 by Mary E. Pearson

© Е.Мигунова, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Кейт Фаррелл, моему другу и редактору, и
Сиарре высшего разряда*

*Слезы ее – их уносит ветер.
Ко мне взывает она,
А я в ответ могу лишь шептать,
Ты сильна,
Ты сильнее своей боли,
Ты сильнее своей скорби,
Ты сильнее, чем они.*

Последний завет Годрель

Глава первая

ОДНО МОЛНИЕНОСНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Мне казалось, этого хватит.

Ножом в живот.

И провернуть, чтобы наверняка.

Но когда меня поглотила Венда, обступили ее бесформенные стены и сотни любопытных лиц, когда я услышала лязг цепей и скрежет моста, что опускался за спиной, отрезая меня от мира, я изменила решение. Я поняла: моя поступь должна быть твердой.

Безупречной.

Мне предстоит приложить много усилий, выверая каждый шаг. Придется лгать. Завоевывать доверие. Совершать подлости. И терпеливо плести свою сеть, хотя терпение никогда не было моей сильной чертой.

Но сейчас важнее всего было унять сердце, так и норовившее выскочить из груди. Дышать ровнее. Казаться спокойной. Страх – как запах крови для волков. Зеваки робко приблизились на полшага, они глазели на меня, приоткрыв гнилозубые рты. Что в их глазах – интерес или глумливая насмешка?

А еще это бряканье черепов. Этот нарастающий глухой перестук, поднимавшийся над толпой, когда кольцо вокруг меня сжималось. На поясах у них висели связки усохших го-

лов, бедренных костей и зубов, и все это качалось, когда они теснились вперед, желая разглядеть меня поближе. Меня и Рейфа.

Я знала, что он, закованный, идет где-то сзади, в конце каравана. Он и я – два пленника. Но Венда не берет пленных. Во всяком случае, никогда не делала этого прежде. Мы были не просто диковинкой. Мы были недругами, которых здесь никогда не видывали. И такими же недругами были они – для меня.

Мы шли мимо бесконечных оружейных башен, нагроможденных слоями каменных стен, почерневших от копоти и лет, извивающихся подобно отвратительной живой гадине. Город, воздвигнутый на руинах по чьей-то прихоти. Рев реки позади меня становился тише.

Я вытащу нас обоих отсюда.

Едва ли сейчас Рейф так же уверен, что сможет исполнить свое обещание.

Мы проходили сквозь череду массивных зубчатых ворот. Зазубренные железные решетки поднимались перед нами как по таинственному мановению, будто нашего появления здесь ожидали. Наш караван между тем становился все меньше по мере того, как группки солдат, оказавшихся дома, отделялись от нас. Они исчезали, устремляясь по змеящимся в тени высоких стен тропкам. Остаток каравана вел за собой *чивдар*. Впереди, гроыхая, ехали повозки, груженные трофеями. Мы входили в самое чрево города. Идет ли еще Рейф

где-то позади меня или его утащили в один из кривых проулков?

Каден соскочил с коня и пошел рядом со мной.

— Мы почти на месте.

На меня накатила волна дурноты. Вальтер мертв, напомнила я себе. *Мой брат мертв*. Им больше нечего у меня забрать. Кроме Рейфа. Мне следовало думать не только о себе. И это всё меняло.

— На каком «месте»? — я пыталась говорить спокойно, но голос прозвучал хрипло и прерывисто.

— Мы направляемся в Санктум. Что-то вроде нашего двора. Где собираются вожди.

— И Комизар.

— Позволь мне вести с ним разговор, Лия. В этот раз. Прощу, не произноси ни слова.

Я покосилась на Кадена. Он сжал зубы и сдвинул брови, будто от головной боли. Неужели его так страшит встреча с собственным вождем? Возможно, он боится того, что я могу рассказать? Как знать, что сделает с ним Комизар? Обвинят ли его в измене за то, что он не убил меня, как было приказано? Светлые волосы Кадена отросли и сальными нечесаными прядями свисали ниже плеч. Лицо лоснилось от жира и грязи. И не вспомнить, когда мы оба в последний раз видели мыло — но сейчас это волновало меня меньше всего.

Перед нами выросли еще одни ворота, на этот раз в железной стене с заклепками и прорезями. Сквозь эти щели на

нас смотрели глаза. Из-за стены донеслись крики, затем тяжелые удары колокола. Гул пронизывал насквозь, отдаваясь в зубах.

Zsu viktara. Будь тверда. Я гордо вздернула голову, и мне почудилось, что это Рина двумя пальцами поднимает мне подбородок. Медленно стена разделилась надвое, а ворота откатились назад, пропуская нас на чудовищных размеров открытую площадь, такую же бесформенную и гнетуще-мрачную, как и весь город. Со всех сторон ее окружали стены с башнями, берущие здесь начало узкие улицы терялись во мраке. Над нами терялись в вышине извилистые галереи, переходящие одна в другую.

Чивдар двинулся вперед, и за ним, теснясь, проехали повозки. Караульные во внутреннем дворе выкрикивали приветствия и одобрительным ревом встречали мечи, седла, упряжь и награбленную добычу – все, что осталось после гибели моего брата и его товарищей. У меня сжалось горло при мысли, что вскоре кто-то из этих молодчиков наденет перевязь Вальтера и станет носить его меч.

Я сжала кулак, но ногтей на пальцах не хватило даже на то, чтобы впиться в кожу. Они были обломаны до мяса. Я потеряла ободранные кончики пальцев, и сердце пронзила острая боль. Это застало меня врасплох – утрата ногтей ничтожна по сравнению с чудовищностью всего происходящего. Почти издевательское напоминание о том, что у меня не осталось ничего, чтобы защитить себя, даже ногтей. Осталось у ме-

ня лишь мое тайное имя – столь же бесполезное сейчас, как и титул, который я носила от рождения. *Оправдай его, Лиля*, сказала я себе. Но, еще произнося эти слова в своих мыслях, я почувствовала, что уверенности у меня поубавилось. Сейчас на кону стояло неизмеримо больше, чем всего несколько часов назад. Теперь любые мои действия могли причинить вред и Рейфу.

Были отданы приказания выгрузить и занести внутрь награбленные сокровища, и по двору забежали юркие, моложе Эбена, мальчишки с двухколесными тачками, помогавшие караульным перегружать на них скarb с повозок. Спешившись, *чивдар* и его личная охрана поднялись по ступеням, которые уводили в длинный коридор. Мальчишки с загруженными доверху тачками почтительно следовали за ними. Их щуплые ручонки с трудом удерживали вес груза. Многие трофеи в их поклаже были обгажены кровью.

– В Санктум – туда, – сказал Каден, махнув вслед мальчишкам. Да, он нервничает. Это слышно по голосу. Если уж даже он боится Комизара, на что надеяться мне?

Я остановилась и оглянулась, пытаюсь разглядеть Рейфа за строем солдат, которые все еще заходили в ворота. Но увидела только Малика, который вел под уздцы свою лошадь, следуя сразу за нами. С его лица еще не сошли царапины – следы моей атаки. Он криво ухмыльнулся.

– Добро пожаловать в Венду, принцесса, – язвительно приветствовал он меня. – Обещаю, здесь все будет совсем

по-другому.

Каден развернул меня к себе.

– Держись поближе, – шепнул он. – Ради твоего же блага.

Малик захохотал, довольный моим испугом, но, как бы то ни было, я понимала, что он сказал правду. Теперь все будет по-другому. Малик и сам не предполагал, до какой степени.

Глава вторая

Сумрачный зал Санктума походил с виду на обычный трактир, хотя и довольно просторный. В его стенах поместились бы четыре таверны Берди. Пахло пролитым элем, прелой соломой и разгулом. Со всех четырех сторон помещение обрамляли колонны, подсвеченные факелами и светильниками. Высокий потолок был покрыт копотью, а в центре зала стоял исполинский деревянный стол, приземистый и грубо сколоченный. Он был уставлен оловянными кружками с элем – другие были зажаты в могучих кулаках.

Вожди.

Мы с Каденом остались незамеченными в темном проходе за колоннами, а вот *чивдара* и его личную охрану приветствовали громогласными криками и хлопками по спинам. Возвратившимся воинам тоже поднесли кружки и принялись пить за них, требуя еще и еще эля. Я увидела Эбена – хоть он и был меньше ростом, чем некоторые мальчишки-прислужники, но тоже поднес к губам оловянную кружку. Он был такой же солдат, вернувшийся из похода. Каден заставлял меня собой, держа под защитой, но я выглядывала из-за его плеча и обшаривала глазами зал, пытаясь узнать Комизара, пытаясь быть готовой ко всему, что может произойти. Большинство собравшихся были рослыми, как Гриз и даже еще крупнее, так что я подивилась, каких еще существ,

полулюдей-полузверей, способна рождать эта странная земля. Один из них приковал к себе мой взгляд. Он не говорил, а ревел, и снующие по залу мальчишки держались от него на почтительном расстоянии. Я решила было, что это и есть Комизар, но Каден – он тоже оглядывал зал – равнодушно скользнул глазами по звероподобному гиганту.

– Это Легион наместников, – пояснил он, словно прочитал мои мысли. – Они управляют провинциями.

У Венды имеются провинции? И разработана иерархия власти – у них не только наемные убийцы, мародеры и железная рука Комизара? Наместники носили широкие оплечья из черного меха, каких не было ни у слуг, ни у воинов. Мех венчали бронзовые пряжки в виде звериного оскала. Это придавало великанам еще более внушительный и агрессивный вид.

Гвалт перерос в оглушительный рев, отражающийся эхом от каменных стен и голого пола. Здесь нечему было поглощать звук, лишь в одном углу зала была навалена солома. Мальчишки поставили тачки с трофеями вдоль стены за колоннами, и наместники принялись рыться в добыче – вытягивая мечи, взвешивая их на руке, вытирая о свои кожаные доспехи засохшую кровь с клинков. Они осматривали каждую вещь придирчиво, будто приценивались на базаре. Я увидела, как один из них поднял меч с инкрустированным красной яшмой эфесом. Меч Вальтера. Ноги сами понесли меня вперед, но я осадила себя и заставила стоять на месте.

Еще не время.

– Жди здесь, – шепнул Каден и вышел на свет. Я прижалась к столбу, стараясь собраться с духом. Я разглядела, что в зал Санктума выходят еще три темных коридора кроме того, по которому вошли мы. Куда они ведут, охраняются ли так же тщательно, как тот, что у меня за спиной? И самое главное – ведет ли хоть один из них к Рейфу?

– Где Комизар? – спросил Каден по-вендански, не обращаясь ни к кому конкретно и не повышая голоса.

Один из наместников обернулся к нему, за ним другой. Внезапно в помещении стало тихо.

– Убийца здесь, – произнес чей-то голос где-то на другом конце зала.

Повисло неловкое молчание, а затем вперед выступил один из наместников – ростом поменьше других, коренастый, со множеством рыжих косиц, ниспадающих на плечи. Он заключил Кадена в объятия, приветствуя его возвращение домой. Разговоры возобновились, однако гул голосов стал заметно тише – видимо, подумала я, на них так подействовало присутствие Убийцы. Это напомнило мне о Малике и его отношении к Кадену во время долгого пути через Кам-Ланто. Он мог беситься от ярости, но, хотя силы их были равны, всегда уступал требованиям Кадена.

– Комизар занят, – сообщил Кадену наместник. – Может, и вовсе не придет. У него...

– *Посетитель*, – договорил Каден.

Наместник расхохотался.

– Посетительница. Вот бы и меня такая посетила.

К ним подошли еще несколько наместников, и один из них, с длинным крючковатым носом, сунул в руку Кадену кружку. Он поздравил его с возвращением и попенял, что тот слишком долго прохлаждался на *каникулах*. Другой подхватил тему и тоже пожурил Кадена за то, что тот больше времени проводит за пределами Венды.

– Я там, куда посылает меня Комизар, – ответил Каден.

Еще один наместник, огромный, как бык, и с широкой, как у быка, грудью, приветственно поднял кружку.

– Как и все мы, – ответил он Кадену и, небрежно запрокинув голову, сделал долгий глоток. Эль выплеснулся из его кружки, потек с бороды на пол. Даже этот быкоподобный великан плясал под дудку Комизара и не стыдился открыто в этом признаваться.

Хотя разговор велся только по-вендански, мне было понятно почти каждое слово. Я разбирала не отдельные *меткие* словечки Венды, а куда больше. Помогли долгие недели пути через Кам-Ланто, когда их язык постоянно звучал рядом.

Пока Каден отвечал на расспросы о его поездке, я заметила, что один из наместников, вытянув из горы трофеев великолепную кожаную перевязь, тщетно пытается затянуть ее на своем обширном брюхе. У меня перехватило дух, потемнело в глазах, в крови заклокотала ярость. Я зажмурилась. *Еще рано. Не теперь. Не дай убить себя в первые же десять*

минут.

Я перевела дыхание и снова открыла глаза. Кто-то смотрел на меня из другого конца зала. Я не могла оторвать взгляда от этого незнакомца. Он стоял в тени, лишь слабый луч света падал на лицо. Темные глаза ничего не выражали, но в то же время приковывали к себе, неподвижные, как у волка, выслеживающего добычу, неторопливые, уверенные. Он стоял, небрежно прислонившись к столбу, на вид моложе всех наместников, лицо гладкое за исключением узкой линии бороды на подбородке и тонких, тщательно подстриженных усиков. Темные волосы были растрепаны и вились, спадая почти до плеч.

На нем не было ни меховых оплечий наместника, ни кожаных воинских доспехов – только простые коричневые штаны и свободная белая рубаха. Он не торопился услужить кому-либо, следовательно, не был и слугой. Вот, будто потеряв ко мне интерес, он перевел взгляд на наместников, которые все еще толпились у трофеев, расплескивая эль. Потом на Кадена. Я увидела, как он пристально смотрит на Кадена.

Меня бросило в жар.

Это он.

Оторвавшись от колонны, он вышел на середину зала, и по первым же шагам я поняла, что не ошиблась. Это Комизар.

– С возвращением, друзья! – воскликнул он. В зале мгновенно воцарилось молчание. Все повернулись на этот голос, включая и Кадена. Комизар неторопливо шел по залу, и все

расступались. Выйдя из тени, я встала рядом с Каденом – по залу прошел тихий ропот.

Комизар остановился в нескольких футах от нас. Игнорируя меня, он какое-то время не отрываясь глядел на Кадена, но наконец подошел и с неподдельной радостью заключил его в объятия.

Отпустив Кадена, снова отступил на шаг и вперил в меня безучастный, отрешенный взгляд. Я не могла поверить, что передо мной тот самый Комизар. Лицо без единой морщины – этот человек был немногим старше Вальтера и больше походил на старшего брата Кадена, чем на грозного вождя. И на устрашающего Дракона из Песни Венды – пьющего кровь и похищающего сны – он тоже не очень тянул. Ни рост, ни сложение, ничто в нем не внушало ужаса, кроме этого пристального взгляда.

– Что это? – спросил он на морриганском, почти таком же безупречном, как у Кадена, кивком указав на меня. Играет. Он прекрасно знает, кто я, и хочет, чтобы я поняла каждое слово.

– Принцесса Арабелла, Первая Дочь дома Морриган, – ответил Каден.

И вновь по залу пронесся приглушенный шепоток. Комизар усмехнулся.

– Она-то? Принцесса?

Медленно он стал обходить меня, со всех сторон осматривая мои обноски и грязь, точно не мог поверить глазам.

Помедлил, задержав взгляд у меня на плече, там, где сквозь разорванную ткань виднелась кава. Негромко и вроде бы заинтересованно хмыкнув, провел костяшками пальцев по всей длине моей руки. У меня по коже побежали мурашки, но я только подняла повыше подбородок, будто рядом со мной жужжала назойливая муха. Комизар завершил круг и, снова оказавшись со мной лицом к лицу, фыркнул.

– Не слишком-то она впечатляет, а? Впрочем, как и все коронованные особы. Очарования в ней не больше, чем в миске прокисшей каши.

Всего какой-то месяц назад я бы охотно проглотила брошенную наживку и парировала выпад убийственно-острыми словами. Но сейчас я не хотела оскорбить его. Мне нужно было добиться гораздо большего. Я ответила на взгляд, в точности копируя безучастное выражение его лица. Потирая ладонью свою узкую, безупречно подстриженную бородку, Комизар изучал меня.

– Дорога была долгой, – пояснил Каден, – и ей она далась тяжело.

Комизар приподнял брови, изображая недоумение.

– Но в этом не было надобности, – сказал он. Теперь он говорил громче, чтобы все в зале слышали, хотя слова его по-прежнему были адресованы Кадену. – Помнится, я приказал перерезать ей горло, а не тащить сюда в качестве ручной зверушки.

Воздух искрился от напряжения. Ни один не решался под-

нести кружку ко рту. Ни один не шелохнулся. Может, они ждали, что их вождь вот-вот подойдет к трофеям, вытащит меч и моя голова покатится на середину зала – что ж, по их мнению, он был бы в своем праве. Ведь Каден оказал ему открытое неповиновение.

Но между Каденом и Комизаром было что-то такое, чего я пока не могла понять. Связь особого рода.

– Она наделена даром, – объяснил Каден. – Я подумал, что живая она может принести больше пользы Венде, чем мертвая.

При упоминании слова *дар*, заметила я, наместники и слуги принялись переглядываться, но никто так и не вымолвил ни слова. Комизар улыбнулся, жутковато и вместе с тем завораживающе. У меня на загривке встали дыбом волоски. Этот человек умел властвовать. И показывал свою мощь. После того как я узнаю его сильные черты, смогу нащупать и слабости. Они есть у каждого. Даже у грозного Комизара.

– Дар! – захохотал он и обернулся к собравшимся, не сомневаясь, что они его поддержат. Те тоже засмеялись.

Снова повернувшись ко мне и перестав улыбаться, Комизар взял меня за руку. Рассматривая мои раны, он бережно скользил большим пальцем по моей коже.

– А язык у нее есть?

На этот раз расхохотался Малик, он подошел к столу посреди зала и с грохотом опустил на него кружку.

– Завывает, как гиена. И кусается так же скверно, – кивнул

чивдар. Солдаты начали перешептываться.

– И все же, – заметил Комизар, – она до сих пор молчит.

– Лия, – шепнул Каден, незаметно подталкивая меня, – можешь говорить.

Я недоуменно взглянула на Кадена. Он думает, я этого не знаю? Неужели и правда считает, что это его предостережение заставляет меня молчать? Слишком многие затыкали мне рот, показывая свою власть. Не время. Мой голос *будет* услышан, но я заговорю, когда сочту момент подходящим для себя. Я не проронила ни слова, не изменила выражения лица. Комизар и наместники ничем не отличались от толпы зевак, сквозь которую я только что прошла по пути сюда. Им было любопытно. *Настоящая принцесса королевства Морриган*. Я выставлена напоказ. Комизар ждет, что я устрою представление перед ним и его Легионом наместников. Ждут, что у меня изо рта посыплются драгоценности? Скорее всего, любым своим словом – как и внешним видом – я только вызову у них смех. Или получу пощечину от Комизара. Человек, занимающий такое положение, как он, может ожидать только двух вещей – сопротивления или раболепия. Я была уверена, что ни то, ни другое не улучшит моей участи.

Хотя сердце у меня в груди бешено стучало, я не отвела глаз. Только медленно мигнула, будто скучая. *Да, Комизар, я уже начинаю узнавать тебя.*

– Не беда, друзья мои, – произнес он, отмечая мое мол-

чание небрежным взмахом руки, — нам и без того найдется о чем поговорить. Да хоть об этом! — Комизар широким жестом обвел зал и трофеи и рассмеялся, будто был в восторге от улова. — Ну, что тут у нас?

Он начал обход, осматривая груженные тачки одну за другой, изучая содержимое. Только сейчас я заметила, что, хотя наместники уже порылись в награбленном, никто из них ничего не взял. Может быть, Комизар должен был сделать свой выбор первым. Он взвесил на руке боевой топорик, провел пальцем по лезвию и одобрительно покивал. Затем перешел к следующей груди и, выдернув из нее палаш, взмахнул им перед собой. Широкое лезвие со свистом разрезало воздух, и вокруг раздались восхищенные возгласы. Он улыбнулся.

— Славная работа, чивдар.

Славная? Зверски уничтожить несколько десятков молодых людей?

Комизар бросил изогнутый клинок обратно и перешел к следующей тачке.

— А это что такое? — он потянул за кожаный ремень. Перевязь Вальтера.

Только не он. *Кто угодно, но не он.* У меня подогнулись колени, а из горла вырвался слабый, еле слышный звук. Комизар повернулся ко мне, поднял перевязь.

— Тиснение просто изумительно, вы не считаете? Взгляните только на эти ветви, — он медленно перебирал ремень пальцами. — А кожа-то до чего гладкая. Такая перевязь по-

добает принцу крови, верно?

На ходу надевая через плечо перевязь и расправляя ее на груди, он подошел ко мне и остановился на расстоянии вытянутой руки.

– А как считаете *вы*, принцесса?

У меня брызнули слезы. Как глупо. Рана от потери Вальтера была еще слишком свежа, это мешало мне думать. Я отвернулась, но Комизар схватил меня за подбородок, его пальцы больно впились в кожу. Он поднял мне голову, принуждая смотреть на него.

– Видите ли, принцесса, здесь мое королевство, а не ваше, и у меня есть способы заставить вас заговорить, о которых вы даже не догадываетесь. Стоит мне приказать, и вы защебечете, как птичка в клетке.

– Комизар, – тихо произнес Каден.

Тот разжал пальцы и улыбнулся, легонько потрепав меня по щеке.

– Я полагаю, принцесса устала после долгого пути. Ульрикс, отведи принцессу в покои для ожидания, где она сможет немного отдохнуть, а мы с Каденом тем временем поговорим. Нам с ним нужно многое обсудить. – Он посмотрел на Кадена, и в этом взгляде впервые вспыхнули искры гнева.

Каден поглядел на меня, стараясь скрыть беспокойство, но он ничего не мог поделать.

– Иди, – обратился он ко мне. – Все будет хорошо.

Едва отойдя за пределы досягаемости взгляда Кадена, конвоиры грубо сдавили мне запястья и буквально поволокли меня по проходу. А я все еще ощущала пальцы Комизара на своем лице – кожа пульсировала там, где они впились в нее. За считанные минуты он умудрился понять, что для меня по-настоящему дорого, – и воспользоваться этим знанием, чтобы причинить мне боль и обезоружить. Я готовилась к тому, что буду избита или подвергнусь бичеванию, но к такому оказалась не готова. До сих пор у меня перед глазами стояла эта картина – перевязь брата на груди врага, его жестокая насмешливая улыбка, когда он ждал, что я дрогну. И я оправдала его ожидания.

В первой схватке победа за Комизаром. Он взял надомной верх, и не скорой расправой, не грубой силой, а хитростью и наблюдательностью. Нужно и мне учиться тому же.

Стражники тащили меня по темному коридору, нещадно толкая и явно наслаждаясь тем, что особа королевской крови оказалась в их власти. К тому времени, когда они, наконец, остановились у двери, руки у меня совсем онемели. Меня втолкнули в каморку без света. Я упала, больно ударилась коленями о грубый каменный пол и осталась лежать там, съевшись, вдыхая затхлый, спертый воздух. В комнате было совершенно темно, только сверху, сквозь отдушины под са-

мым потолком, пробивались три тонких луча. Когда глаза привыкли к темноте, я разглядела соломенный тюфяк на полу, низкий трехногий табурет и ведро. В «покоях для ожидания» этих варваров имелись все удобства тюремной камеры. Я прищурилась, пытаюсь разглядеть еще хоть что-то в тусклом свете, но вдруг услышала звук. В углу что-то зашуршало. Я была не одна.

В камере кроме меня был еще кто-то – или что-то.

* * *

*Да будут услышаны истории,
И узнают все поколения,
Звезды склоняются пред шепотом богов,
Падают ниц по их приказанью,
И только избранные Выжившие
Обретают милость в их очах.*

*– Священное писание Морригана,
том V*

Глава третья

Каден

– Итак, ты подумал, что она будет полезна.

Ему была известна истинная причина. Он знал, что я от-
ношусь к *дару* с точно таким же презрением, как и он сам,
но его пренебрежение объяснялось полным неверием. Мои
причины были более вескими.

Мы сидели вдвоем в его комнате для секретных встреч.
Он откинулся на спинку своего кресла, барабанил пальцами
по губе. Его черные глаза глядели на меня, не выражая ни-
каких чувств, словно холодный, полированный оникс. В них
почти никогда нельзя было ничего прочесть, но я-то знал:
они скрывают если не гнев, то по крайней мере любопытство.
Я отвел взгляд и стал изучать роскошный ковер под ногами.
Его тут раньше не было.

– Дружеский дар от премьер-министра Рокс Ло, – объяс-
нил он.

– Дружеский? Вещь, судя по всему, дорогая. С каких это
пор, интересно, Рокс Ло приносит нам дары? – спросил я.

– Итак, *ты подумал*. Вернемся к этому. Она настолько
хороша в...

– Нет, – произнес я, вставая и подходя к окну. Сквозь щели слышался тихий свист ветра. – Дело совсем не в этом.

Он рассмеялся.

– Так расскажи, в чем дело.

Я оглянулся на его стол, заваленный картами, схемами, книгами и записями. Не кто иной, как я научил его читать на морриганском – том языке, на котором была написана большая часть этих документов. *Расскажи, в чем дело.* А я и сам до конца не понимал этого. Я снова сел в кресло напротив него и поведал, как действовала Лия на венданцев, даже таких матерых, как Гриз и Финч.

– Ты ведь знаешь, что такое кланы, да и среди горцев многие до сих пор верят. На *джсехендре* шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на палатки, торгующие талисманами. А взять прислугу здесь, в Санктуме, – у каждого второго под рубахой какой-нибудь оберег, да и у половины солдат тоже. Если они подумают, что венданцы получили благословение одним из древних даров, хоть бы даже и через королевскую кровь, ты мог бы...

Он подался вперед, резким взмахом сбросив на пол бумаги и карты со стола.

– Ты принимаешь меня за глупца? Ты ослушался приказа из-за того, что несколько дремучих венданцев могут решить, что она – знамение? Ты решил сам себя назначить Комизаром и принимать *свои* решения, которые считаешь более мудрыми?

– Просто я подумал... – на мгновение я прикрыл глаза. Я уже послушался его приказа, а теперь задним числом придумываю себе оправдания, совсем как морриганцы. – Я дрогнул, когда пришел убить ее. Я...

– Она пришлась тебе по вкусу, как я и сказал.

Я кивнул.

– Да.

Он откинулся на спинку кресла и потряс головой, махнув рукой, точно все это было сущим пустяком.

– Значит, ты поддался чарам женщины. Лучше, чем верить, будто можешь принимать решения за меня и лучше меня. – Он вскочил, оттолкнув кресло, подошел к стоящему в углу масляному светильнику на высокой подставке, украшенному короной из драгоценных кристаллов. Пока он подкручивал колесико, прибавляя пламя, на его лице играли отблески света. Светильник, подарок старшины квартала Томак, не вписывался в суровую обстановку комнаты. Поглаживая короткую бородку, Комизар, казалось, ушел в свои мысли, но вскоре снова посмотрел на меня.

– Невелика беда, что ты притащил ее. Главное, она не досталась ни Дальбреку, ни Морригану, остальное не важно. И вот что, раз уж она здесь... я сам решу, как использовать ее наилучшим образом. От меня не укрылись ни тихое удивление наместников от того, что среди них появилась принцесса, ни перешептывания слуг после ее ухода.

На губах Комизара появился намек на кривую улыбку. Он

потер лампу рукавом, счищая пятнышко.

– Да, она и в самом деле может оказаться полезной, – прошептал он скорее самому себе, чем мне, проникаясь симпатией к этой мысли.

Вспомнив, что я все еще нахожусь в комнате, он обернулся.

– Развлекайся пока со своей зверушкой, да смотри, не привязывайся к ней слишком сильно. Братья Санктума – не деревенские горцы. Мы не можем погрязнуть в болоте семейной жизни. Помни об этом. Наше братство и Венда всегда на первом месте. На том мы стоим. Наши соотечественники на нас полагаются. Мы их надежда.

– Конечно, – ответил я. И это было правдой. Без Комизара, без Малика меня давно бы не было в живых. Но *не привязываться к ней слишком сильно?* Поздно было говорить об этом.

Он вернулся к столу, полистал бумаги, потом замер над картой и улыбнулся. Я знал эту улыбку. У него было их много. Когда он улыбнулся Лии, я испугался. Улыбка, которая появилась на его лице сейчас, была искренней – довольная улыбка, которую он позволял себе без свидетелей.

– Все идет по твоему плану?

– Нашему плану, – поправил он. – Все идет лучше, чем я мог надеяться. Я покажу тебе удивительные вещи, но придется подождать. Ты вернулся как раз вовремя, я собираюсь уехать завтра. Наместники Бальвуда и Арлестона не явились.

– Мертвы?

– Бальвуд, по всей вероятности. То ли его доконала-таки северная хворь, то ли какой-нибудь юный самозванец снес ему голову, а сам не решается явиться в Санктум.

Я подозревал, что Хедвин из Бальвуда получил удар мечом в спину. Он вечно бахвалился, заявляя, что с таким лиходеем, как он, не совладает никакая хворь северных лесов – и был прав.

– А Арлестон?

Нам обоим было понятно, что наместник Тьерни из самой южной провинции, скорее всего, валяется мертвецки пьяный в каком-нибудь борделе по пути к Санктуму, а потом появится, будет рассыпаться в извинениях и винить во всем хромых лошадей и скверную погоду. Впрочем, в столице никогда не отказывались принять от него оброк. Комизар пожал плечами.

– Пылких юношей рано или поздно могут утомить вечно пьяные старые наместники.

Так и произошло с самим Комизаром одиннадцать лет назад. Я посмотрел на него, все еще совсем молодого человека, который вырезал трех наместников кряду, а сразу после этого предыдущего Комизара Венды. Но сейчас он уже не был столь пылким. Нет, теперь его кровь не кипела, с тех пор она остыла и ровно текла в жилах.

– У нас давно уже не случалось подобных неприятностей, – сказал я вслух.

– Никому не хочется получить стрелу в спину, но неприятности всегда происходят, мой юный друг, поэтому нам нельзя расслабляться. – Он отодвинул карту. – Завтра поедешь со мной. Мне не помешает свежий собеседник. Давненько мы с тобой не совершали совместных прогулок.

Я промолчал, но, видимо, он все понял по моему вытянувшемуся лицу и тряхнул головой, отменяя приглашение.

– Как я мог забыть, ты ведь только что вернулся, путь был долгим. К тому же ты добыл *Венде* очень неплохие трофеи. Ты заслужил передышку. Отдохни несколько дней, а потом мы с тобой возьмемся за работу.

Я с благодарностью отметил про себя, что он не упомянул еще и Лию в качестве причины. Он отнесся ко мне милостивее, чем я того заслуживал, однако от меня не укрылось то, как он выделил слово «Венда», напомнив мне, кому и чему я служу. Я встал. Сквозняк разворошил бумаги на столе.

– Надвигается буря, – заметил я.

– Первая из многих, – отозвался он. – Начинается новый сезон.

Глава четвертая

Вскочив на ноги, я всмотрелась в темноту, пытаюсь разглядеть, откуда идет шум.

– Сюда.

Я развернулась.

Небольшое пятнышко света изменило свои очертания, когда кто-то шагнул вперед, под узкий тусклый луч.

Едва различимая прядь темных волос. Скула. Его губы.

Я окаменела. Я смотрела на него, того, кто был мне всех дороже и от кого я убежала, кто теперь был заперт со мной в одной камере.

– Принц Рейфферти, – прошептала я наконец. Всего-на-всего имя, но как трудно его выговорить, как оно тяжеловесно, чуждо, неблагозвучно. *Принц Джаксон Тайрес Рейфферти.*

Он помотал головой.

– Лия...

От звука его голоса у меня по телу побежали мурашки. Тот, мысль о ком помогала мне всё выдерживать на протяжении тысяч миль. Всех этих недель. Дней. *Он.* Крестьянин, оказавшийся принцем – и очень искусным лжецом. Все это не укладывалось у меня в голове. Мысли разбегались, ускользали, как вода, просачивающаяся сквозь пальцы.

Он шагнул вперед, пятно света переместилось ему на пле-

чи, но я успела увидеть его лицо и выражение вины.

– Лия, я знаю, о чем ты сейчас думаешь.

– Нет, принц Рейфферти. Вы не представляете, о чем я думаю. Я даже сама не уверена, что понимаю, о чем думаю.

Мне было ясно одно: даже сейчас, когда я вся дрожала от неведения и сомнений, у меня все равно радостно билось сердце, кровь бросалась в голову от каждого его слова и взгляда, а в груди все замирало так же, как тогда, в Терравине, будто с тех пор совсем ничего не изменилось. Он был мне нужен, я тянулась к нему, отчаянно и безрассудно.

Рейф шагнул, и расстояние, разделявшее нас, внезапно исчезло. Биение его сердца слилось с биением моего, его руки, обнявшие меня, были такими же сильными, а губы теплыми и мягкими и такими же нежными, как я помнила. Я приникла к ним жадно, с облегчением, благодарностью – и злостью. Губы крестьянина, губы принца – губы незнакомца. Единственное, что, как мне казалось, я знала о нем, оказалось неправдой.

Я теснее прижалась к нему, говоря себе, что небольшая ложь – это не так страшно на фоне всего остального. Он рисковал жизнью, последовав сюда за мной. Его жизни и сейчас угрожала смертельная опасность. Неизвестно еще, доживем ли мы оба до утра. И все же это стояло между нами стеной твердой и безобразной. Он лгал. Умело манипулировал мной. Для чего? Какую игру он вел? И за кем он явился сюда, за мной или за принцессой Арабеллой? Я оттолкнула его.

Посмотрела на него. Помедлила. По камере разнесся звонкий звук, с которым моя ладонь встретила с его щекой.

Рейф замер, потирая лицо, и склонил голову набок.

– Должен признать, что я немного иначе представлял себе эту встречу после стольких-то миль погони за тобой, через весь материк. Может, вернемся назад, к поцелуям?

– Ты мне солгал.

Я увидела, как он расправил плечи, выпрямился. Царственная осанка, *принц* – так вот каков он на самом деле.

– Помнится, это у нас было взаимно. Мы квиты.

– Но ты все это время знал, кто я.

– Лия...

– Рейф, тебе, возможно, это кажется пустяком, но для меня это чертовски важно. Я бежала из Сивики, потому что впервые в жизни захотела, чтобы меня любили за то, какая я, а не за мое положение. Я не хочу, чтобы мою судьбу решил какой-то росчерк пера на клочке бумаги. Может, я не доживу до конца этого дня, но, прежде чем испущу свой последний вздох, я *должна* знать. За кем ты пришел сюда на самом деле?

Его ошеломленный вид теперь сменился раздраженным.

– Неужели непонятно?

– Нет! – сказала я. – Будь я в самом деле служанкой из таверны, стал бы ты спасать меня? Чего я на самом деле стою в твоих глазах? Посмотрел бы ты в мою сторону, если бы не знал, что я принцесса Арабелла?

– Лия, это невозможное допущение. Я приехал в Терравин только потому, что ты была...

– ...дипломатическим затруднением? Вызовом? Загадкой?

– Да! – рывкнул он. – Ты была всем этим! Вызовом и затруднением! Сначала. Но потом...

– Что если бы ты совсем *не нашел* принцессу Арабеллу? Что если бы ты нашел только меня, служанку из таверны по имени Лия?

– Тогда сейчас меня бы здесь не было. Я был бы в Терравине и целовался бы с самой возмутительной девицей из всех, кого встречал, и даже два королевства не смогли бы оторвать меня от нее, – подойдя ближе, он нерешительно взял мое лицо в руки. – Но суть в том, что я пришел за *тобой*, Лия, и не важно, кто ты и что ты, и мне плевать на все ошибки, которые я совершил, и на ошибки, которые наделала ты. Я совершил бы их снова, все до единой, ради того, чтобы оказаться рядом с тобой.

В его глазах блеснуло отчаяние.

– Я хочу объяснить тебе все. Я хочу провести с тобой всю жизнь, чтобы загладить вину за каждую ложь, которую произносил, но сейчас у нас слишком мало времени. В любую минуту они могут вернуться за кем-то из нас. Нам необходимо сверить наши истории и договориться о планах.

Всю жизнь. Мои мысли стали вялыми, эти два слова – *всю жизнь* – вытеснили их, затопив всю меня своим теплом. Сно-

ва вспыхнули надежды и мечты, которые я с болью отталкивала от себя. Конечно, он прав. Важнее всего сейчас было решить, что нам делать. Я не выдержу, если увижу, что и он умирает. Меня и так подкосила смерть Греты, Вальтера и его товарищей.

– Я ожидаю подмогу, – продолжал между тем Рейф. – Нам нужно только дождаться, пока они сюда доберутся.

Он говорил убежденно и был уверен в себе, как может быть уверен принц. Или опытный, хорошо обученный солдат. Как только я раньше не заметила в нем этой черты? Его воины на подходе, сказал он.

– Сколько их? – спросила я.

– Четыре.

Я почувствовала, как во мне зарождается надежда.

– Четыре тысячи?

Ответ отрезвил меня.

– Нет. Четыре.

– Четыре сотни, ты хочешь сказать?

Он потряс головой.

– Четыре человека? Всего? – повторила я.

– Лия, я понимаю, как это звучит, но поверь, эти четверо – лучшие из всех.

Моя надежда увяла так же быстро, как расцвела. Четыреста солдат не сумели бы выволить нас отсюда, что там говорить о какой-то четверке. Я даже не пыталась скрыть скептицизм, а с моих губ сорвался тихий смешок. Я зашагала по

тесной комнатухе, мотая головой.

— Мы в ловушке здесь, на берегу бушующей реки, в окружении тысячи врагов, которые полны ненависти к нам. Что могут сделать четыре человека?

— Шесть человек, — поправил Рейф, — если считать с тобой и со мной.

Я заметила, что голос его звучит необычно скованно, а подойдя ко мне, он поморщился и потер бок.

— Что с тобой? — встревожилась я. — Ты ранен?

— Так, небольшой подарочек от конвоиров. Дальбрекская свинья им не по душе. Они постарались донести до меня эту мысль. Многократно, — держась за бок, он медленно, с трудом вдохнул. — Но это только синяки. Со мной все в порядке.

— Нет, — возразила я. — Это не порядок.

Я отвела его руку и задрала рубаху. Даже в тусклом свете мне были видны лиловые кровоподтеки, покрывающие его ребра. Я сделала в уме пересчет. Пятеро против нескольких тысяч. Подтащив низкий табурет, я заставила Рейфа сесть, потом нарвала полос из подола своей и без того изорванной юбки. Бережно я стала бинтовать его, чтобы каждое движение не отдавалось такой болью. На память пришли страшные шрамы на спине Кадена. Эти люди настоящие дикари.

— Не нужно было тебе приезжать сюда, Рейф. Я сама виновата. Навлекла на себя беду, когда...

— Я в полном порядке, — перебил он. — Перестань тревожиться. Я получал удары и похуже — копытом от своего ко-

ня, все это сущие пустяки по сравнению с тем, что пришлось пережить тебе. – Он сжал мне руку. – Мне очень жаль, Лия. Они рассказали мне о твоём брате.

Горький ком снова встал у меня в горле. Не думала я, что такое может случиться, а тем более, что мне придется увидеть это своими глазами. Быть свидетельницей убийства собственного брата – что может быть страшнее. Я отняла руку и вытерла ее о разодранную юбку. Мне казалось неправильным ощущать тепло рук Рейфа на своих пальцах, вспоминая о Вальтере, лежавшем в холодной земле.

– Ты хочешь сказать, они насмеялись над моим братом. Я все пять дней пути слушала, как они злорадствовали и зубоскалили, что так легко с ним справились.

– Они рассказали, что ты похоронила их всех. Всех до одного.

Я всматривалась в слабые лучики света, надеясь увидеть хоть что-то, кроме обращенных к небу невидящих глаз Вальтера и своих пальцев, закрывающих их в последний раз.

– Жаль, что ты не знал его, – вздохнула я. – Мой брат должен был стать великим королем. Он был добрым и терпеливым, и верил в меня так, как никто больше не верил. Он, – я повернулась к Рейфу, – он был со своим патрулем. Тридцать два воина. Самые сильные, самые храбрые солдаты Морригана. Я видела, как они погибают, все, один за другим. Тех, других, было больше впятеро. Это была кровавая бойня.

Защитная пелена, которой я отгораживала себя, была

сдернута, и по коже начал расплзаться одуряющий жар того дня. Я вдыхала запах пота на их телах. *На частях тел.* Я собирала их все, чтобы ничего не оставить диким зверям, потом тридцать три раза опускалась на колени для молитвы. Слова лились свободно, будто из глубины истекающей кровью души – тридцать три мольбы о пощаде, тридцать три прощания. А потом пропитавшаяся их кровью земля привычно поглотила их, сомкнулась, и они ушли. Такое случилось не в первый раз. И не станет последним.

– Лия?

Я посмотрела на Рейфа. Высокого и сильного, как мой брат. Уверенного, как мой брат. *Он ждет всего четверых.* Сколько еще утрат я смогу выдержать?

– Да, – ответила я, – я похоронила их всех.

Рейф дотронулся до меня и потянул к себе. Я села рядом с ним на солому.

– Мы сумеем это сделать, – сказал он. – Придется только выиграть время, пока не подойдут мои люди.

– Сколько времени нужно твоим солдатам, чтобы добратся сюда? – спросила я.

– Несколько дней. Может, больше. Все зависит от того, сколько им придется проскакать на юг, чтобы перейти реку. Но я знаю, что они постараются оказаться здесь как можно раньше. Они – лучшие, Лия. Лучшие из воинов Дальбрека. Двое из них свободно говорят на венданском. Они найдут способ пробраться сюда.

Я хотела было возразить, что пробраться сюда не трудно. Главное – выбраться потом отсюда. Но прикусила язык и только кивнула, стараясь сделать вид, что его слова меня вдохновили. Если этот план не сработает, тогда сработает мой. Этим утром я убила коня. Возможно, к вечеру смогу убить и другого зверя.

– Должен быть другой способ, – заговорила я. – У них в Санктуме оружие. Никто не хватится, если что-то одно пропадет. Думаю, я смогу незаметно спрятать под юбкой нож.

– Нет, – твердо сказал Рейф. – Слишком опасно. Если они...

– Рейф, их предводитель виновен в убийстве моего брата, и его жены, и целого взвода наших солдат. Он не задумываясь пойдет дальше, это лишь вопрос времени. Его необходимо...

– Их убили его воины, Лия. Какой смысл убивать одного человека? Одним ножом не победить целую армию, особенно в нашем положении. Сейчас наша единственная цель – выбраться отсюда живыми.

Я не соглашалась. Умом я понимала, конечно, что прав Рейф, но в каких-то темных глубинах своей души жаждала большего, чем просто побег.

Рейф взял меня за руку, требуя ответа.

– Ты слышишь меня? Никому не будет лучше, если ты умрешь. Наберись терпения. Придут мои люди, и вместе мы найдем выход.

Я, раненый и четверо солдат. Все вместе звучало как бред. Но я кивнула: хоть и нет никакой четверки, мы с Рейфом нуждаемся друг в друге – только это сейчас и имеет значение.

Усевшись на соломенном тюфяке, мы принялись строить планы: что сказать, а чего не говорить, какие уловки помогут нам остаться в живых, пока не подоспеет подмога. Наконец-то между нами был союз – союз, который все время так хотели заключить наши отцы. Я рассказала Рейфу все, что успела узнать о Комизаре, Санктуме и коридорах, по которым меня тащили. Каждая мелочь могла оказаться важна.

– Будь осторожен. Взвешивай каждое свое слово, – предостерегала я. – Следи даже за своими движениями. Он ничего не упускает. У него цепкий и зоркий взгляд, несмотря на обманчивую внешность.

Кое о чем я все же умолчала. Планы Рейфа были осязаемыми, прочными – как сталь и плоть, почва под ногами и кулак. Мои – неуловимы, невидимы: жар и холод, кровные узы и правосудие, все, что я чувствовала нутром.

В самый разгар проговаривания наших планов Рейф, внезапно замолчав, протянул руку и нежно провел большим пальцем по моей щеке.

– Я так боялся... – он сглотнул и потупился, прочищая горло. Его желваки заходили, и я подумала, что мне не следует смотреть на него сейчас, в минуту слабости. Когда Рейф поднял глаза, они горели гневом. – Я знаю, что сжигает те-

бя, Лия. Они заплатят. За все. Клянусь тебе. Наступит день, когда они заплатят.

Но я поняла, что он хотел сказать. Что Каден заплатит.

В коридоре раздались приближающиеся шаги, и мы отпрянули друг от друга. Рейф всмотрелся в меня, яркая синева его глаз прорезала полумрак.

– Лия, я понимаю, что твои чувства ко мне могли измениться. Я обманул тебя, назвавшись крестьянином. Но я надеюсь, что смогу снова заслужить твою любовь, теперь уже как принц, когда-нибудь. Начало у нас было ужасное – но это не означает, что нас не ждет более счастливое завершение.

Я смотрела на него, его взгляд поглотил меня полностью... открыла рот, чтобы что-то ответить, но в голове все еще звучали его слова. *Смогу снова заслужить твою любовь... теперь уже как принц.*

Дверь с лязгом распахнулась, и вошли два стражника.

– Ты, – сказал один, ткнув в мою сторону, и, едва я успела встать на ноги, меня потащили к выходу.

Глава пятая

– Залезай, кому говорят.

Меня с головой окунули в корыто с ледяной водой, и чьи-то сильные руки начали скрести и тереть мне голову. Наконец, я смогла вынырнуть, жадно глотая воздух и выплевывая мыльную пену. Очевидно, Комизар счел, что я выгляжу отвратительно, а мой запах оскорбителен для его чувствительного носа, и распорядился поскорее привести меня в порядок. Меня вытянули из корыта и, дав мне тряпицу размером с носовой платок, велели вытереться. За моим унижительным омовением наблюдала молодая женщина, которую остальные звали Калантой. Она что-то мне бросила.

– Надень это.

Я поглядела на ветошь, лежащую у меня в ногах. Этот грубый, бесформенный мешок был похож не на одежду, а на тюфяк, из которого вытряхнули солому.

– Не стану.

– Наденешь, если хочешь жить.

В ее голосе не было даже намека на злобу. Она просто излагала факты. Ее взгляд нервировал. На одном глазу у нее была повязка – кожаная заплатка. Черная тесемка, на которой она держалась, резко выделялась на фоне ее странно безжизненных, неестественно белых волос. Сама заплатка выглядела поразительно, от нее почти невозможно было ото-

рвать взгляд. На ней бисером был вышит ярко-синий глаз, смотрящий прямо вперед. Из-под повязки по щеке разбежались замысловатые линии татуировки, превращающие половину лица Каланты в произведение искусства. Я задумалась, зачем эта женщина привлекает внимание к тому, что многие другие сочли бы уродством.

– Скорее, – сказала Каланта.

Я отвела глаза от ее немигающего взгляда и, подняв с пола грубую мешковину, повертела в руках.

– Он хочет, чтобы я надела это?

– Здесь не Морриган.

– А я не мешок картошки.

Каланта прищурила единственный глаз и вдруг рассмеялась.

– Будь ты картошкой, ценилась бы куда выше.

Если Комизар полагал, что это меня унизит, он просчитался. Мне было совсем не до гордыни. Я натянула мешок через голову. Он оказался слишком просторным и сползал с плеч, а чтобы не наступить на длинный подол, приходилось поддегивать его. Грубая ткань царапала кожу. Каланта бросила мне кусок веревки.

– Подвяжи, удобнее будет.

– Чудесно, – сказала я, отвечая на ее ухмылку, после чего заложила складки на мешковатом наряде и завязала веревку вокруг талии.

Босые ноги стыли на каменном полу, но у меня отняли

башмаки, и я не рассчитывала получить их назад. Стараясь не дрожать, я кивнула, показывая, что готова.

– Скажи спасибо, принцесса, – заметила Каланта, рассеянно водя пальцем по невидящему расшитому глазу. – Бывает, что он куда круче обходится с теми, кто ему перечит.

Глава шестая

Паулина

Последний этап путешествия в Сивиду был выматывающим. Возле Дерриваля нас застиг проливной дождь, и мы вынуждены были на три дня укрыться в пустом сарае, где нашими соседями оказались сова и бродячая кошка. По крайней мере, благодаря им в сарае не было грызунов. С каждым днем вынужденного безделья моя тревога росла. Лия теперь уже, наверное, была в Венде – если, конечно, Каден повез ее туда. Я старалась гнать от себя мысль о другой возможности – что она уже мертва.

Все произошло так быстро, что я тогда ничего не успела сообразить. *Ее похитил Каден. Каден – один из них.* Каден, который был мне симпатичен больше, чем Рейф. Я даже допустила ошибку, подталкивая Лию к нему. Мне так нравился его спокойный нрав. Я говорила ей о том, какие у него хорошие глаза. Мне все в нем казалось добрым. Как я могла так ошибаться? Это глубоко потрясло меня. Я всегда считала, что хорошо разбираюсь в людях, но Каден оказался не добрым – совсем наоборот. Он был наемным убийцей. Так сказала Гвинет. Откуда это было известно ей, не знаю, но у

Гвинет было много талантов, и выуживание тайных сведений из посетителей таверны наверняка входило в их число.

Мы решили, что безопаснее будет остановиться на постоялом дворе в одной из деревушек за городской стеной. Гвинет здесь никто не знал, но меня могли узнать, поэтому приходилось скрываться хотя бы до той поры, пока не удастся устроить встречу с лордом вице-регентом. При дворе королевы я была весьма заметной фигурой, и, возможно, меня обвиняли в измене за то, что я помогала Лии устроить побег. Из всех министров кабинета вице-регент всегда был добр к Лии, даже заботлив. Он, казалось, понимал все сложности ее положения при дворе. Если я объясню ему, в какой беде она оказалась, вице-регент наверняка сумеет преподнести это известие королю в самом выгодном для нас свете. Какой отец не приложит все силы для спасения дочери, даже если она бунтарка?

Пока Гвинет снимала нам комнату, я стояла в тени, опустив голову в скрывающем лицо капюшоне. Я видела, как она разговаривает с хозяином гостиницы, но слов не слышала. На мой взгляд, их беседа тянулась дольше, чем требовалось. Я чувствовала дрожь и шевеление в животе. Это постоянно напоминало о том, как все изменилось, сколько прошло времени, напоминало об обещании Лии: *мы пройдем через все это вместе*. Напоминало о том, что времени почти не осталось. Поцеловав кончики пальцев, я подняла их, обращаясь к богам. *Пожалуйста, верните ее.*

Какая-то бумага перешла из рук Гвинет к хозяину гостиницы. Он мельком взглянул на меня – возможно, удивился, почему я не снимаю капюшон, даже войдя в дом, но ничего не сказал и наконец-то протянул через стойку ключ.

Наша комната располагалась в самом конце коридора – тесная, но, конечно, удобнее сарая. Нове и Дьечи разместились на конюшне и были, кажется, довольны своими стойлами и свежим ячменем на обед. С деньгами трудностей не было. Я продала драгоценности, которые Лия отдала мне в Луизвеке. Даже Гвинет удивило то, как легко я договаривалась с подозрительными торговцами в задних комнатах их лавок, но я научилась этому у Лии.

Когда мы остались одни за закрытой дверью, я спросила у Гвинет, почему это заняло столько времени. У Берди это было делом нескольких минут: договориться о цене да показать постояльцу его комнату.

Гвинет бросила на кровать свой мешок.

– Я отправила письмо канцлеру и попросила о встрече.

У меня перехватило дыхание, и с минуту я не могла говорить.

– *Что-что ты сделала?* Против моей воли? Я уже говорила тебе, он ненавидит Лию.

Гвинет невозмутимо начала распаковывать вещи.

– Я считаю, что нужно сначала все разузнать через... *менее официальные* каналы, а уж потом соваться ко второму лицу в королевстве. Если окажется, что вице-регент не мо-

жет помочь, мы упрямся в стену.

Я уставилась на нее, чувствуя, как в бессилии опускаются руки. Вот уже второй раз она упоминает канцлера, а теперь и вовсе начала действовать без моего согласия. Казалось, она твердо намерена втянуть его в дело.

– Ты *знакома* с канцлером, Гвинет?

Она пожала плечами.

– Хм, может, самую малость. Наши с ним дорожки когда-то пересекались.

– И ты даже не подумала мне об этом рассказать?

– Я подумала, что тебе это не понравится, и, похоже, не ошиблась.

Я швырнула свой мешок на кровать и стала рыться в нем, ища гребень. Я усердно принялась расчесывать волосы, пытаясь распутать мысли и стараясь контролировать хоть что-то, хотя на самом деле была в полной растерянности. Она знакома с ним *самую малость*? Мне не нравился канцлер, и я не доверяла ему даже больше, чем Лия. В нем не было ни одной черты, которая была бы мне симпатична.

– Я придумала. Я пойду прямо к королю, – сказала я. – А ты можешь оставаться здесь.

Гвинет схватила меня за руку, останавливая мои взмахи по волосам.

– А как ты себе это представляешь? Войдешь в цитадель и постучишь своим гребешком в дверь королевских покоев? Как ты думаешь, далеко тебе удастся пройти? А может, от-

правишь письмо? Но вся почта сначала доставляется в кабинет канцлера. Так почему сразу не пойти напрямик к нему?

– Я уверена, что, так или иначе, сумею получить аудиенцию у короля.

– Конечно, сумеешь. Но не забывай, что ты помогла бежать Лии. Очень вероятно, что разговаривать с ним тебе придется сквозь тюремную решетку.

Я понимала, что Гвинет права.

– Что ж, если это будет необходимо.

Гвинет вздохнула.

– Благородно, ничего не скажешь, но давай попытаемся этого избежать. Сначала разнюхаем, что и как.

– Поболтав с канцлером?

Она уселась на кровать и нахмурилась.

– Лия, видать, не рассказала тебе про меня?

Я сглотнула, приготовившись услышать о чем-то из прошлого Гвинет, чего мне не хотелось знать.

– Не рассказала? О чем?

– Я служила королевству. Поставляла новости.

– Что это значит? – осторожно уточнила я.

– Я шпионила.

Я закрыла глаза. Это даже хуже, чем я боялась.

– Ну-ка, сейчас же перестань, не напрягайся так. Это вредно для ребенка. То, что я шпионка – *бывшая*, – еще не конец света. Нам это даже может оказаться на руку.

Оказаться на руку? Я приоткрыла глаза – Гвинет глядела

на меня с широкой улыбкой.

Она поведала мне о Глазах Королевства, шпионах Сивики, рассеянных по городам и селам Морригана и передававших всевозможные сведения в столицу, верховной власти. Было время, когда она нуждалась в деньгах и хорошо научилась вызывать на откровенность постояльцев гостиницы в Грейспорте, прибираясь в их комнатах.

– Ты шпионила на короля? – спросила я.

Она пожала плечами.

– Наверное. Я имела дело только с канцлером. Он... – у Гвинет потемнело лицо. – Он был такой *обходительный*, а я была молодая и глупая.

Гвинет и сейчас молода. Всего на каких-то несколько лет старше меня. Но глупая? Вот уж нет. Она ловкая, расчетливая и дерзкая – в отличие от меня. В глубине души я, разумеется, понимала, что все эти качества могут оказаться полезными в поисках того, кто выслушал бы нас с сочувствием. И все же я колебалась. Я боялась оказаться втянутой в какую-то шпионскую сеть, хоть Гвинет и клялась, что больше в нее не входит. *А что если это не так?*

Гвинет будто видела, какие мысли проносятся у меня в голове.

– Паулина, – твердо сказала она. – Ты, наверное, самый верный и самый праведный человек из всех, кого я встречала. Это восхитительно, но иногда еще и немного раздражает. Пора уже, соберись. Хватит изображать хорошую девочку.

Хочешь ты помочь Лии или нет?

На это я могла дать лишь утвердительный ответ.

Что бы мне ни пришлось для этого делать.

Глава седьмая

Стены смыкались, казалось, что проход с каждым шагом сужается. Меня вели по темному коридору, потом два пролета вверх по затхлой лестнице, по другому коридору, где нельзя было бы пройти, расставив руки. Три поворота, затем несколько ступеней вниз. Внутри эта крепость оказалась таким же запутанным лабиринтом, каким виделась снаружи. Застройка разных веков перемешалась в ней.

Наш путь явно лежал не назад в зал Санктума. У меня учащенно стучало сердце. Куда меня тащат на этот раз? Распущенные по плечам волосы все еще не просохли, босые ноги немели от холода на каменном полу. Я старалась запомнить дорогу – мне казалось, что это имеет значение. Сейчас все имело значение. Каждая мелочь. Каждый взмах ресниц. Больше всего мне сейчас не хватало Гвинет с ее обходительностью и умением скрывать тайны за милой улыбкой – если только они не касались тех, кого она любила, например Симоны. Тогда на лице у Гвинет было большими буквами написано, что она лжет. Даже теперь я продолжала учиться у нее. А думала я лишь об одном: как добиться, чтобы по моему лицу нельзя было ничего прочесть.

Миновав последний поворот, мы оказались в коридоре, который оканчивался массивной двустворчатой дверью. Ее кованые черные петли напоминали замысловато ветвящиеся

шипы. Конвоиры постучали, и я услышала тяжелый скрежет отодвигаемого засова. Меня втолкнули внутрь – по-видимому, эти люди не знали иного способа обращения с пленниками, – но в этот раз я была начеку и устояла на ногах.

Я оказалась в тихой комнате и сразу увидела Кадена. При взгляде на мою убогую хламиду он сжал зубы, а на шее вздулась вена. Что мелькнуло в его глазах: стыд или ярость? А еще я заметила, что он успел вымыться – и сменить одежду. Теперь, сбросив морриганское обличье, он выглядел, как один из них... зверь из другой стаи. На нем была просторная рубаха венданского покроя, а с поясного ремня свисала гроздь костей. Вот он каков, настоящий Каден.

А потом я увидела Рейфа – спиной ко мне, с заломленными назад и связанными руками. Рядом с ним стоял стражник. Поспешно отвернувшись, я перевела взгляд на Комизара.

– Вы как раз вовремя, принцесса, – заговорил он. – Ваш батрак тоже только что прибыл.

Взмахом руки он велел мне пройти вперед и встать рядом с Рейфом.

Комизар был по-прежнему облачен в перевязь, на которой теперь висел и меч Вальтера. Видя, что я это заметила, он усмехнулся. На моем лице не дрогнул ни один мускул. С этой минуты присвоенные им вещи брата должны подпитывать мои силы, а не подрывать их.

Комизар вышел на середину комнаты, приветственно развел в стороны руки.

– Братья, это исторический день для Венды. Не один, а целых два пленника.

Он все еще говорил на морриганском, желая, видимо, чтобы мы его поняли. Я не знала, понимает ли Рейф по-вендански, и корила себя, что не спросила об этом, пока мы были вдвоем в «покоях для ожидания». Такие детали могут оказаться важны. Комизар переключил внимание на Рейфа и меня.

– Надеюсь, вы оба цените то, как вам повезло, – вы оказались пленными. Это редкая честь – однако, все может перемениться в один миг.

Голос его звучал игриво, улыбка на лице казалась почти дружелюбной. Приблизившись ко мне, он поднял прядь мокрых волос с моего плеча, и тут же брезгливо ее отбросил.

– Я уже знаю, почему здесь принцесса. Она предположительно наделена даром, который, как считает мой Убийца, может принести пользу Венде. – Комизар пожал плечами. – Время покажет.

Он повернулся к Рейфу.

– Но ты... объясни-ка, по какой причине я не должен сию минуту изрубить тебя в лапшу, да еще и наказать солдат, которые не убили тебя, как только увидели.

– Потому что у меня есть новости, которые выгодны Венде, – ответ Рейфа был быстрым и уверенным.

Комизар засмеялся – и от этого смеха тишина в зале стала совсем гробовой.

– Так мне и доложили. – Он прошел на середину и уселся на край стола, болтая ногами. Скорее подвыпивший хулиган в кабаке, чем правитель государства. – Чивдар Ставик передал мне это твое заявление. А вот солдаты говорят другое. Влюбленная деревенщина, так они тебя называли, да и принцесса, кажется, считает, что ты явился сюда ради нее. Насколько я понимаю, там имели место занимательные объятия.

– Знакомое лицо в чужой стране, – пожал плечами Рейф, – вот девушка и бросилась мне на шею, что же я мог поделать. Но женщинам меня не одурачить. Я не путаю удовольствие с делом. Я не сунулся бы на порог к неприятелю из-за обычного летнего романчика.

Комизар сверкнул глазами, повернувшись ко мне. Я смотрела на Рейфа.

– Романчик, – повторил Комизар, кивнув. – Так земледелие – это просто маска?

– Принц послал меня разобраться, правда ли девчонка сбежала или все это запланированная операция, месть за давние конфликты. Всем известно, что у Дальбрека долгая и непростая история взаимоотношений с соседом. Не стану перечислять все мелочные оскорбления, нанесенные нам Морриганом. Тем не менее брак между королевскими домами помог бы предать забвению прошлые обиды.

– И создать союз.

– Да.

– Чтобы объединить силы против нас.

– Разве не это цель любого политического маневра? Власть и ее укрепление, – Рейф не оправдывался, он говорил спокойно и бесстрастно, начальственным тоном.

Кажется, его слова заставили Комизара задуматься. Он прищурился, но затем усмехнулся, чуть приподняв уголок рта.

– На мой взгляд, ты куда больше похож на простого крестьянина, чем на важного посланца принца, – отвернувшись, он поискал кого-то глазами в зале: – Гриз! Где же он?

Один из наместников сообщил, что Гриз до сих пор в зале Санктума, и за ним срочно отрядили стража. Комизар объяснил, что Гризу довелось видеть самого принца и его придворных, когда в прошлом году он присутствовал в Дальбреке на какой-то официальной церемонии. Он сможет засвидетельствовать, правда ли Рейф придворный.

– Не хочешь ли поменять свою историю, пока не поздно? Если скажешь правду, я скорее смогу приняться за ужин, а за это велю, чтобы смерть твоя была быстрой и почти безболезненной.

– Моя история неизменна, – без колебаний проговорил Рейф.

Дыши, Лия. Дыши. Я покосилась на Кадена, стараясь не выдать своего ужаса и надеясь на помощь. Он в долгу передо мной. Каден ответил на мой взгляд, едва заметно отрицательно помотав головой. Как я могла забыть. *Венда все-*

гда превышие всего. В груди поднимался панический страх, я огляделась. Оружие со всех сторон, у наместников, стражников, других не известных мне членов братства Венды. В комнате их было больше дюжины. Даже если бы я смогла разоружить одного и лишить жизни другого, все равно у нас с Рейфом нет ни малейшего шанса выстоять против них. Особенно у Рейфа, со скованными за спиной руками. Я сделала черепаший шаг вперед, но тут заметила, как Рейф чуть согнул руку, подавая знак. Я остановилась. Все кругом замерло в ожидании, мгновения тянулись мучительно долго, но Комизар явно наслаждался ситуацией. Наконец раздались шаги, тяжелая поступь гиганта.

Дверь открылась, и вошел Гриз.

– *Bedage akki*, – окликнул его Комизар и положил руку Гризу на плечо. Они подвели его к Рейфу и остановились, повендански объясняя Гризу, кем назвался Рейф. – Ты был на церемонии, видел и принца, и его свиту. Узнаешь ли ты этого человека?

Хмуря брови, Гриз рассматривал Рейфа. Он переминался с ноги на ногу с мрачным видом, как будто смущаясь от того, что все вокруг с нетерпением ждали его ответа.

– Трудно так сказать. Там на площади была большая толпа. Я стоял довольно далеко и... – он поскреб затылок, подошел поближе, приглядываясь. Вдруг в его глазах мелькнуло узнавание. У меня чуть не выскочило сердце из груди.

– Ну? – спросил Комизар.

Гриз исподлобья посмотрел на меня. Я уставилась на него, не дыша, не шелохнувшись. Он снова перевел взгляд на Рейфа, задумчиво кивнул.

– Да, этого я помню. Он стоял совсем рядом с принцем, весь расфуфыренный, в кружевах да оборках. С принцем они вроде дружки. Все болтали с ним, а несколько раз чему-то смеялись. – Гриз кивнул, довольный, что вспомнил, потом его рассеченный шрамом лоб снова нахмурился: – Что-нибудь еще?

– Это все, – ответил Комизар.

Перед тем как повернуться и выйти, Гриз еще раз зыркнул в мою сторону.

А я пыталась выдохнуть и отдышаться. Неужели Гриз солгал ради меня? Или он сделал это для Рейфа? *Шпионы есть повсюду, Лия. Получают звонкую монету в обмен на бдительность и внимание.* Но только не Гриз. Это невозможно. Он же такой *неподдельный венданец*. Однако, вспомнила я, он скрывал от других, что бегло говорит по-морригански.

– Так что же, наш расфуфыренный эмиссар, – сказал Комизар, – что за важное сообщение передал для меня принц?

– Как я уже говорил, оно предназначено только для ваших ушей.

Комизар гневно сверкнул глазами.

– Не оскорбляй моих братьев!

Наместники угрожающе загудели.

Рейф кивнул.

– Король Дальбрека при смерти. Это дело нескольких недель, если не дней. Но, пока это не случится, у принца связаны руки. Пока он ничего не может предпринять, но скоро власть перейдет к нему. И тогда все изменится. Он хочет подготовиться к этому моменту. Принц и его отец совершенно по-разному смотрят на многое, в частности на политические союзы и на власть.

– В чем же разница?

– Принц смотрит в будущее. Он не верит в брачные союзы и считает, что для Дальбрека более выгоден альянс с Вендой, чем с Морриганом.

– А выгоден ли он Венде?

– Мы хотим получить порт и несколько миль горной местности. Остальной Морриган ваш.

– У принца смелые мечты. Он ставит перед собой большие цели.

– Стоит ли мечтать о пустяках?

– Но откуда нам знать, что это не очередная хитрость Дальбрека?

– После смерти отца принц немедленно лично прибудет сюда для решения всех вопросов – в знак доверия между нашими странами. К тому времени, понятно, он будет уже не принцем, а королем.

– Сюда? – резко перебил Каден.

Рейф оглянулся на него, не меняясь в лице – хотя от меня не укрылось, как он напряжен. Если бы не связанные руки,

он, скорее всего, не смог бы сдержаться. Как я могла быть настолько слепа, что принимала их за друзей?

– Говоря точнее, он прибудет на нейтральные земли Кам-Ланто, – ответил Рейф и снова повернулся к Комизару. – Подробности сюда доставит гонец от принца. Но он хочет, чтобы вы были наготове. Альянс нужно будет заключить быстро, пока в Морригане не успели пронюхать.

В полной тишине Комизар изучал Рейфа. Наконец он мотнул головой.

– У меня нет причин доверять тебе или считать, что принц чем-то отличается от своего вероломного отца, да и от всех своих коварных предков. В Дальбреке все – вражеские свиньи. – Вскочив, он склонил голову и заходил по комнате в раздумьях. – И все же... интересную игру затеял твой принц – или ее затеял ты?

Комизар всмотрелся в лица наместников, Кадена и остальных, словно желая услышать их мнение, но в ответ не раздалось ни слова, лишь кое-кто робко покивал. Он снова остановился перед Рейфом.

– Несколько недель – недолгий срок, можно и поиграть. Это даже забавно. Если в течение месяца отец принца не умрет и не прибудет гонец, то его безмозглый эmissар будет отправлен назад к принцу – по кусочкам, то палец, то нога. Тем временем я направлю в Дальбрек своих людей, чтобы подтвердить, действительно ли король плох.

– Иного я и не ожидал, – заметил Рейф.

Комизар шагнул вперед, почти вплотную к Рейфу, рука его лежала на рукояти меча Вальтера.

– Ну а какой же интерес в этой игре для тебя, юный эмиссар?

– Власть, – ответил Рейф. – Что же еще? Принц и мне тоже кое-что посулил.

Комизар заулыбался, и в его глазах мелькнуло одобрение. Я слушала, как Рейф лжет, настолько естественно и непринужденно, что сама готова была ему поверить, и возторгалась тем, с какой легкостью он всех провел, и тут мне припомнилось, как гладко он врал мне в Терравине. Очевидно, для него это привычное дело.

Комизар объявил всем, что совещание окончено и они могут вернуться пировать в зал Санктума. Вскоре он сам тоже присоединится к ним. Он еще обменялся несколькими репликами с кем-то из наместников или воинов, уже не для протокола. Неофициальный, даже небрежный тон этих его замечаний разительно отличался от предыдущего разговора. *Рейфа отправят обратно по кусочкам.* Конвоиры увели Рейфа, и наместники тут же сомкнулись, занимая место, где он только что стоял. Каден протянул ко мне руку.

Комизар отвел ее в сторону.

– Я сам провожу принцессу, – заявил он. – Мы скоро вернемся. Она мне нужна на несколько минут. Для разговора.

– Я могу пойти с вами, – предложил было Каден.

– Она пойдет со мной одна, – резко и твердо, как отрезал.

Я похолодела. *Одна с Комизаром.*

Каден смотрел то на него, то на меня, по-прежнему не двигаясь, но я поняла: он уйдет и оставит нас, это неизбежно. Так пусть это произойдет в тот момент, который определю я. На моих условиях. *Сейчас же.* От страха у меня свело все внутренности. *Сейчас же.*

– Все хорошо, Каден, – сказала я, следя за тем, чтобы слова звучали ясно и твердо, и игнорируя Комизара, точно его здесь и не было. – Ты можешь идти.

Удар был нанесен точно.

Если Каден уйдет сейчас, получится, что он повиновался моему распоряжению, а не приказу Комизара. Повисло тяжелое молчание. Каден глядел на меня, понимая, что я только что сделала. Устои повиновения были поколеблены. Бес- сильно мотнув головой, он вышел, дело сделано, ущерб нанесен. За ним захлопнулась тяжелая дверь. Моя победа оказалась недолговечной. Я осталась наедине с Комизаром.

– Так... оказывается, язык у тебя все же есть.

Я продолжала не отрываясь смотреть на дверь.

– Для тех, кто достоин моих слов.

Он рывком развернул меня лицом к себе.

– Ты не слишком осмотрительно их подбираешь, а ведь положение у тебя очень шаткое.

– Мне и раньше такое говорили, много раз.

Слегка вздернув одну бровь, Комизар продолжал меня изучать.

– Любопытно, что ты не бросилась на эмиссара, когда он сообщил, что Дальбрек предаст Морриган. Неужели тебе не важно, что случится в твоём королевстве? Или ты не поверила рассказу эмиссара?

– Наоборот, Комизар, я поверила каждому его слову. Просто меня они не удивили. Возможно, вы не знали, что мой отец назначил целое состояние за мою голову, потому что я бежала от брачного союза. Меня предал родной отец, чем же королевство хуже? Я устала от того, что кругом одни изменники и предатели.

Комизар потянул меня за руку, заставив подойти ближе. На груди у него до сих пор красовалась тончайшая работа мастеров Морригана – свадебный подарок Греты Вальтеру. Его холодные черные глаза, опущенные длинными темными ресницами, самодовольно блеснули. Как мне хотелось выцарапать их – но не было ногтей. Как хотела я вытащить кинжал – но и его забрали. Я покосилась на меч у него на боку, украшенный алой морриганской яшмой, – оружие было почти в пределах моей досягаемости.

– Так устала, что готова на глупости? – спросил Комизар, крепче сжимая мою руку. – Человека труднее убить, чем коня, принцесса. Знаете, что произойдет, если вы убьете Комизара?

– Общее ликование?

Он едва заметно усмехнулся.

– Его обязанности падут на вас.

Отпустив меня, он подошел к столу и положил руку на глубокую царапину на столешнице.

– Вот здесь я убил предыдущего Комизара. Мне было восемнадцать тогда. Случилось это одиннадцать лет назад. Каден был еще совсем ребенком. Еле доставал мне до пояса. Мелкий для своих лет. В детстве он голодал – но под моим присмотром быстро выправился. Каждый *комизар* должен вырастить своего собственного *рахтана*, и он был со мной с самого начала. Нас связывают долгие годы. Велика его преданность мне.

Он водил пальцем по зарубке и, казалось, глубоко задумался – вспоминал, должно быть, при каких обстоятельствах она здесь появилась.

Но вот его цепкий взгляд снова обратился на меня.

– Даже не пытайся вбить между нами клин. До поры до времени я позволяю Кадену эти вольности. Я ведь тоже предан ему, а ты можешь послужить неплохим развлечением для нас обоих. Но не нужно обольщаться: ты и этот твой так называемый дар значат для меня меньше ломаного гроша. У эмиссара и то больше шансов дожить до конца месяца, чем у тебя. Не пытайся затевать игры, в которых все равно проиграешь.

Его раздражение меня воодушевило. Итак, мой удар попал точно в цель. *От твоих слов эти самые игры с каждой минутой кажутся мне все более желанными*, хотелось мне сказать ему. Комизар словно прочитал мои мысли.

Глаза его налились яростью.

– Повторяю на случай, если ваше королевское высочество глуховаты и ты не поняла с первого раза: положение твое очень шатко.

Я смотрела ему прямо в глаза, думая о том, что скоро увижу, как армия его головорезов похваляется морриганскими мечами, что до конца жизни в ушах у меня будут стоять крики брата и его товарищей – жуткие крики, которые ветер бросал мне прямо в лицо. И все это из-за него, нарушителя границ и многовековых договоров.

– В моем положении нет шаткости, оно вполне определено, – произнесла я вслух. – На родине меня разыскивают как изменницу, а здесь вы лишили меня свободы, надежд и погубили моего брата. Все, что мне было дорого, исчезло, и доказательством тому эта перевязь моего мертвого брата. Что еще можно у меня отнять?

Комизар охватил мою шею ладонью и медленно провел большим пальцем по впадине на горле. Он надавил сильнее, и я почувствовала биение пульса под его пальцем.

– Поверьте, принцесса, – прошипел он, – всегда найдется, что отнять.

* * *

*Плачу о вас, братья и сестры мои,
Я плачу о всех вас,*

*Ибо хотя дни мои сочтены,
Для вас года испытаний лишь начались.*

– Песнь Венды

Глава восьмая

Рейф

Я сидел за столом прямо напротив Кадена. Впившись в него глазами. Взглядом кромсая его на куски.

Я не знал, почему меня притащили сюда. Возможно, чтобы накормить. Или для того, чтобы я смотрел, как едят они. Руки у меня до сих пор были связаны за спиной. Каден потягивал эль, время от времени поглядывая на меня. Он, как мне показалось, был разъярен не меньше моего. На его глазах Лия меня поцеловала. Эта мысль точила его изнутри, словно червь.

Вокруг толпились наместники, некоторые хлопали меня по плечу и предлагали выпить, а потом оглушительно хохотали над собственной остроумной шуткой. На столе передо мной стояла полная кружка. Но выпить я мог только одним способом, окунув лицо в пену, как свинья в корыто. Такого зрелища им не дожидаться – мне не настолько хотелось пить.

– Где она? – повторил я.

Я думал, что Каден снова промолчит в ответ, но вдруг он осклабился.

– А тебе что за дело? Я так понял, она всего-навсего обыч-

ный летний романчик.

– Я не настолько бессердечен. Не хочу, чтобы она страдала.

– И я этого не хочу. – Он отвернулся и завел беседу с соседником, стоявшим справа от него.

Обычный летний романчик. Уставившись на брызги пены вокруг кружки, я размышлял о том, как уничижающе посмотрела на меня Лия, услышав это, как изогнула губы в презрительной усмешке. Определенно, она мне подыграла. Этот ее взгляд был нужен для подкрепления моих слов. Она должна была понять, почему я так сказал. Но если она просто подыгрывала, то делала это слишком уж убедительно.

Но не только это мучило меня – было еще кое-что. Я разглядел это в ее глазах, движениях, во вздернутом подбородке, расслышал в звенящем голосе там, в камере, где мы оказались рядом. То была незнакомая мне Лия, она говорила о ножах и смерти. Что сделали с ней эти изверги, через что ей пришлось пройти?

Каден, повернувшись ко мне, снова сверлил меня взглядом. Червь вгрызался все глубже.

– Ты всегда принимаешь так близко к сердцу дела своего принца?

– Только когда это устраивает меня. А ты всегда отплясываешь с девушками, которых собираешься прирезать?

У него на скулах заходили желваки.

– Ты мне никогда не нравился.

– Какое горе.

В стол врезался кто-то из наместников, но устоял на ногах. Поняв, что чуть не упал на Кадена, он захихикал.

– Комизар до сих пор там, с этой принцессой? Видать, голубая кровь в новинку даже ему, – он подмигнул и поковылял прочь.

Я подался вперед.

– Ты оставил ее с ним *наедине*?

– Заткнись, эмиссар. Ты ничего не знаешь.

Я сел на место. Кандалы нещадно впивались в запястья. В висках огнем бились мысли о долгих неделях пути по Кам-Ланто и обо всем, что пришлось пережить Лии.

– Я знаю достаточно, – процедил я сквозь зубы.

Знаю, что, как только скину наконец эти цепи, я тебя прикончу.

Глава девятая

Каланта отвела меня назад, в зал Санктума. При виде моего драного платья-мешка раздались сдавленные смешки. Комизар сорвал с меня пояс из веревки, заявив, что такую роскошь еще надо заслужить. Да, всегда найдется, что отнять. Я не сомневалась – он докопается до всего, чем я дорожу, даже до такого, о чем я и сама пока не догадываюсь, что это мне дорого. Докопается и отберет, одно за другим. Мне надлежит играть ту роль, которую он мне отвел, – жалкой особы королевской крови, получающей по заслугам.

Я поняла, что Комизар добился своей цели – это было видно по выражению окруживших меня рож. Он сделал меня совершенно заурядной в их глазах. Сквозь толпу наместников протиснулся Каден. Мы переглянулись, и сердце мое сжалось еще сильнее. Как мог он так поступить? Ведь понимал, что я стану объектом издевательств, и все же приволок сюда? Неужели преданность стране – любой стране – стоит того, чтобы унижать человека, которому ты клялся в любви? Я подтянула мешковину, пытаясь прикрыть плечи. Вырвав меня из хватки Каланты, Каден отвел меня в сторону от похотливых взоров наместников, в тень за колонной. Я прислонилась к ней, радуясь, что могу опереться на что-то прочное. Каден всматривался в мои глаза, он приоткрыл рот, будто хотел что-то сказать. Беспокойство исказило его лицо. Я по-

няла, что он совсем не хотел этого, но все случилось как случилось – и произошло это по его вине. Я не хотела снимать с него груз вины. И не стала.

– Так вот, значит, *какую* жизнь ты мне сулил? Все просто восхитительно, Каден.

Вокруг глаз у него залегли морщины, неизменная выдержка, которой он славился, готова была дать трещину.

– Завтра будет лучше, – прошептал он. – Обещаю тебе.

За нашими спинами сновали прислужники, разнося тяжело нагруженные подносы с кусками темного жареного мяса. Я слышала, как оживленно переговариваются наместники и голодная братия, как грохотали массивные стулья по камням пола, когда их подтаскивали ближе к столу. Мы с Каденом остались стоять у колонны, будто приросли к ней. В глазах у него я видела раскаяние, а сама ощутила сочувствие – правда, совсем другого рода. Он заплатит за это, как и все остальные, – просто пока он об этом еще не знает.

– Еда на столе, – прошептал он наконец.

– Оставь меня хоть на минуту, Каден. Одну. Мне просто нужно...

Он затряс головой.

– Нет, Лия. Я не могу...

– *Пожалуйста*, – у меня задрожал голос. Я закусила нижнюю губу, из последних сил пытаюсь казаться спокойной. – Иначе я не смогу поправить на себе платье. Пощади мое достоинство.

Я подтянула спадающую мешковину, пытаюсь прикрыть плечо.

Каден смущенно смотрел, как я, собрав материю в кулак, сжимаю ее на груди.

– Не натвори глупостей, Лия, – предостерег он. – Как только закончишь, подходи к столу.

Я кивнула, и он неохотно отошел.

Нагнувшись, я оторвала подол – теперь мешок стал мне по колено – и подвязалась оторванной полоской. Другой узел, поменьше, я завязала на груди, так что плечи теперь были прикрыты. Оставалось надеяться, что Комизар не сочтет и узлы излишней роскошью.

Достоинство. Грубая ткань колола и раздражала кожу. Пальцы ног свело от холода. От голода кружилась голова. Какое там достоинство – вздор. Его у меня давно отняли. Но мне было необходимо хоть на миг остаться одной, без надзора. Это не было ложью. Да и можно ли здесь вообще говорить о лжи?

Дар – это тонкий путь познания. Благодаря ему и выжили несколько оставшихся Древних. Учись пребывать в покое и знать.

Голос Дихары настиг, захлестнул меня. Мне необходимо было найти тихое место. Прислонившись к колонне, я пыталась нащупать то умиротворение, которое я обрела тогда на лугу. Я закрыла глаза. Но ничего не получалось. Много ли проку от дара, если ты не можешь вызвать его по своей воле?

Мне не нужно было спокойное познание. Я нуждалась в чем-то резком, смертельном.

Мысли в голове путались, злые и горькие, мешанина из воспоминаний, прошлое и настоящее – найти виновных, чтобы ни один не ушел от возмездия. Мысленно я угостила ядом каждого из тех, по чьей вине сюда попала. Канцлера, книжника – даже собственную мать, которая намеренно подавляла и заглушала во мне дар. Это из-за них я провела годы, мучаясь чувством вины за то, что недостаточно соответствую ожиданиям.

Я открыла глаза. Дрожа всем телом, я смотрела на грязную каменную стену перед собой, не в силах шевельнуться. Тысячи и тысячи миль отделяли меня от той, кем я была, кем хотела быть. Вжимаясь в колонну спиной, я понимала, что держусь только благодаря этой единственной опоре – и тут я что-то почувствовала. Дрожь. Биение. Что-то передавалось мне сквозь камень, едва заметное, откуда-то издалека. Касаюсь спины, согревая ее, еле слышно звеня, повторяясь. Будто песня. Я прижала к камню ладони, пытаюсь уловить, впитать слабый ритм, и в грудь устремилось тепло, расходясь оттуда к рукам и ногам. Песнь стихла, но тепло осталось.

Я отделилась от колонны, смутно осознавая, что все головы повернулись ко мне, слышался шепот, окрики, но меня словно заморозила тонкая, окутанная дымкой фигура в дальнем углу зала. Прячась в тених, она ждала. *Ждала меня.* Я прищурилась, пытаюсь рассмотреть лицо, но безуспешно.

Резкий рывок заставил меня отвести взгляд, а когда я снова посмотрела в тот угол, фигура уже исчезла. Я моргнула. Ульрикс – это он только что дернул меня в сторону – с силой подтолкнул меня к столу.

– Комизар велел садиться!

На меня таращились и наместники, и слуги. Кто-то озабоченно хмурился, другие перешептывались, а кое-кто, как я заметила, опасливо потирал висящие на шее амулеты. Мой взгляд скользнул вдоль стола и наконец уперся в Комизара. Неудивительно, что он смотрел на меня мрачно, на неподвижном лице явственно читалось предостережение. *Не испытывай меня.* Может, это мой рассеянный вид привлек их внимание? Или то, как я, шурясь, вглядывалась в другой конец зала, стараясь разглядеть того, кто прятался в тенях? Однако все это произошло в считанные секунды. Комизар мог относиться к моему дару с полным безразличием, но по крайней мере некоторые из присутствующих были другого мнения и жадно ловили малейшие знаки его проявления.

Внимание этих нескольких подхлестнуло меня. Я прошествовала к столу непринужденно, с гордо поднятой головой, словно вместо рваного мешка на мне была королевская мантия, представляя, что Рина и Натия идут со мной рядом. Я переводила взгляд с одного сидящего на другого, стараясь заглянуть прямо в глаза как можно большему числу присутствующих. Изучить их. Привлечь на свою сторону. Не только этот Дракон способен похищать. Сейчас, пусть на миг, я за-

владела его народом, которым он так дорожил. Все же, проходя мимо него, я снова ощутила холод. Он похищал тепло, не только мечты. В шею мне будто воткнулось ледяное жало – этот человек словно знал истинную причину каждого моего шага и уже просчитал ответные действия. В нем чувствовались мощь и твердость, что-то уродливое, основательное и древнее, старше стен этого Санктума, окружающих нас. Неспроста он сумел сделаться Комизаром.

Я заняла единственное остававшееся свободным место, рядом с Каденом, и мгновенно осознала, что это место худшее из всех. Точно напротив сидел Рейф. Он так и поедал меня глазами – пронзительно синими и мрачными, полными гнева и тревоги. Он весь обратился в зрение, а ведь должен был демонстрировать безразличие. Я ответила ему умоляющим взглядом, надеясь, что он поймет, затем равнодушно отвернулась, моля всех богов, чтобы Комизар ничего не заметил.

Рядом с Рейфом сидела Каланта, ее бисерное голубое око тоже вперилось в меня, а другой глаз, мутно-голубой, смотрел в стол. Женщина подняла стоящее перед ней блюдо с костями, черепами и зубами и запела по-вендански. Некоторые слова мне не доводилось слышать раньше.

– *E cristav unter quiannad.*

Гул голосов. Пауза.

– *Meunter ijotande.*

Она воздела кости над головой.

– *Yaveen hal an ziadre.*

Каланта опустила поднос на стол и добавила тихо.

– *Paviamma.*

На это, к моему удивлению, братия ответила тем же, и торжественное *paviamma* вернулось к ней эхом.

Meunter. Никогда. *Ziadre.* Жизнь. Я не понимала, что происходит, но голос Каланты звучал весомо и строго. Какое-то песнопение. Затверженное, как мне показалось, наизусть. Уж не начало ли какого-то темного варварского обряда? В памяти мгновенно всплыли все слышанные в детстве жуткие истории о безжалостных варварах. Что они собираются делать?

– Что это? – шепотом спросила я, нагнувшись к Кадену.

Каланта поставила блюдо на стол, и братья один за другим стали брать кости или черепа.

– Просто благословение жертвоприношения, – так же шепотом ответил Каден. – Кости напоминают о том, что всякая трапеза – это дар, который обходится высокой ценой жизни какого-то существа. Его нельзя принимать без благодарности.

Молитва поминовения? Я следила за тем, как передавалось блюдо, как грозные воины брали с него побелевшие кости и добавляли их к связкам у себя на поясах. *Всякая трапеза – это дар.* Я мотнула головой, стряхивая наваждение, гоня от себя объяснение, которое совсем не сочеталось с уже составленным мной представлением. Мне вспомнились ис-

худавшие люди с запавшими глазами, которые всматривались в мое лицо, когда я входила в ворота, вспомнился страх, охвативший меня от перестука свисающих с их поясов костей. Первое мое впечатление было основано на сумрачных мыслях о кровожадных дикарях, бахвалящихся своей свирепостью.

Сама того не замечая, я хмурилась, пока не заметила, что на меня поглядывает Комизар, кривя рот в самодовольной ухмылке. Разумеется, от него не утаилось мое непонимание, но кроме того я заметила, что он тайком наблюдает за Каденом. Ненароком, будто случайно, но внимательно. Каден последовал моему распоряжению, а не его приказу, и теперь это грызло Комизара изнутри.

Когда блюдо с костями в обход меня передавали какому-то наместнику, я протянула руку и взяла кость. Это оказалась часть челюсти с зубом, на которой давно не осталось ни следа плоти. Я чувствовала, как Рейф глядит на меня, но была осторожна и даже не поворачивала головы в его сторону. Встав, я вытянула нитку из своего подола, обвязала ею кость и повесила себе на шею.

– Тогда уж повторите и слова, принцесса Арабелла, – обратился ко мне Комизар, – или вы можете скопировать только движения?

Приглашение говорить на их родном языке? Сам того не зная, Комизар сыграл мне на руку. Я могла не понимать значения каждого слова, зато смогла их в точности повторить.

Такое не всякому под силу.

– *Meunter ijotande. Enade nay, sher Komizar, te mias wei etor azen urato chokabre.*

Я произнесла это без запинки, без намека на акцент. В зале повисла полная тишина.

Рейф уставился на меня с открытым ртом. Не знаю, понял он сказанное или нет, но к нему наклонилась Каланта и шепотом перевела: «*Вы, дорогой Комизар, не единственные, кому знаком голод*». Комизар сердито сверкнул на нее глазами, давая понять, чтобы она замолчала.

Я оглядела длинный ряд сидящих – в числе братии были Гриз, Эбен, Финч и Малик. Они, как и Рейф, сидели с открытыми ртами. Я повернулась к Комизару.

– И если уж вы намерены титуловать меня по этикету, – добавила я, – я бы просила по крайней мере обращаться ко мне правильно. Джебелия. Мое имя Джебелия.

Я ждала в надежде, что это имя будет узнано, но ничего не произошло – ни Комизар, ни остальные никак не отреагировали на него. Вся моя храбрость испарилась. Никто ничего не понял. Я потупила глаза и села на место.

– Ах, я и забыл, вы, короли, так богаты, что у вас и имен в избытке, прямо как меховых шуб. Джебелия! Что ж, пусть будет Джебелия, – подал голос Комизар и с шутливой гримасой поднял вверх кружку, будто бы в мою честь. Смех развязал языки, которые всего несколько секунд назад я заставила замолчать. Со всех сторон посыпались насмешки и издева-

тельские тосты. Комизар сумел выкрутиться из неприятной ситуации. Он ловко переключил общее внимание, заставив варваров думать о богатстве королей, касавшемся даже количества имен.

Трапеза началась. Каден уговаривал меня поесть. Я с трудом проглотила несколько кусочков, но, хоть и понимала, что истощена, голода не чувствовала – слишком много всего на меня навалилось за эти дни. Комизар распорядился расковать Рейфу руки, чтобы он мог есть, сам же пустился в велеречивые рассуждения о том, что другие королевства оценили наконец Венду по достоинству – поэтому отужинать с ними даже прислали особу королевской крови и придворного советника. Хотя его тон был беззаботен и шутив, я наблюдала, как он несколько раз склонялся к Рейфу и принимался расспрашивать его о дворе Дальбрека. Рейф отвечал, тщательно подбирая слова. Я ошеломленно наблюдала за мгновенной переменой в нем от узника в кандалах до блестящего посланца.

Затем я заметила, как Каланта подливает ему эль, хотя он и не просил об этом. Пытается развязать ему язык? Или ее внимание к нему объясняется другими причинами? Каланта была красива необычной, жутковатой красотой. Красотой не от мира сего. Ее длинные бесцветные волосы волнами падали на обнаженные плечи. В ее внешности не было ни одной заурядной черты, чего стоили хотя бы неестественно длинные тонкие пальцы с покрашенными ногтями. Я гадала, ка-

кое положение она занимает здесь, в Санктуме. В зале были и другие женщины, одни сидели с военными, другие прислуживали – да еще та неясная фигура, которую я видела в тени, если только это была женщина. Но Каланта излучала уверенность, она выделялась среди прочих всем, от необычной повязки на глазу до изящных цепочек, которые позвякивали у нее на талии.

Мне было странно видеть, как Рейф легко улыбается, играя роль пресыщенного царедворца, которого интересует лишь собственная выгода. Комизар повелся на это, хотя и старался соблюдать дистанцию. Рейф точно знал, какие подобрать слова и когда бросить неопределенную реплику, чтобы удерживать интерес Комизара, не давая ему затухнуть. Как вышло, с удивлением думала я, что в крестьянине, батраке, в которого я влюбилась, открываются все новые, не знакомые мне до сих пор грани. Я следила, как двигаются его губы, всматривалась в еле заметные морщинки, разбегавшиеся от уголков его глаз, когда он улыбался, любовалась широкими плечами. *Принц.* Ну как же получилось, что я ничего даже не заподозрила? Я припомнила его хмурое лицо в тот первый вечер, когда я обслуживала его в таверне, – язвительность в каждом слове, обращенном ко мне. Я сбежала из-под венца. Какую же досаду, какой гнев он должен был испытывать, пока шел по следу, приведшему его в таверну, – кстати, то, что он меня отыскал, тоже многое говорит о его умениях. Сколько же мне еще предстоит о нем узнать...

Я искоса взглянула на Комизара, который как раз замолчал, и обнаружила, что он пристально смотрит на меня. У меня перехватило дыхание. Давно ли он так за мной наблюдает? Заметил ли, что я люблю Рейфом?

Вдруг он зевнул и лениво положил руку на кожаную перевязь на груди.

– Я думаю, наши гости устали, но где же мне их разместить?

Комизар пустился в долгие объяснения по поводу того, что в Венде отродясь не было пленных, а значит, нет у них и тюрем, так как правосудие здесь вершится быстро, даже для своих подданных. Он взвешивал разные возможности, но я почувствовала: Комизар ведет нас по пути, который давно уже предначертал. Сначала он заметил, что мог бы разместить нас обоих в «покоях для ожидания», но там слишком сыро и промозгло, а единственный соломенный тюфяк слишком мал, чтобы мы поместились на нем вдвоем. Глянув на Кадена, Комизар продолжил:

– Впрочем, есть пустая комната недалеко от моей собственной – там безопасно, – он откинулся на спинку стула. – Я помещу туда эмиссара. Но куда же поселить принцессу, чтобы и она тоже чувствовала себя в безопасности?

С дальнего конца стола откликнулся Малик.

– Она может жить со мной. От меня не сбежит, к тому же нам с ней есть о чем поболтать.

Солдаты встретили его слова дружным смехом.

Каден отпихнул стул и поднялся, сверля Малика взглядом.

– Она поселится со мной, – сказал он твердо.

Комизар улыбнулся. Мне не нравилась игра, которую он вел. Он потер подбородок.

– А может, просто запереть ее вместе с эмиссаром? Пожалуй, так будет лучше всего – держать пленных вместе? Скажите нам, *Джезелия*, а что вы предпочитаете? Я поступлю так, как скажете вы.

Его взгляд остановился на мне, холодный и испытующий. Заметил ли он, как я смотрела на эмиссара, или он лишь проверяет свои догадки? *Всегда найдется, что отнять*. И Комизар искал что-то еще помимо куска веревки.

Хорошо, что я положила руки себе на колени, так они дрожали под столом. Я сжала кулаки и снова разжала, заставляя пальцы слушаться – и убеждать. Я оттолкнула стул и встала рядом с Каденом. Подняла руку, провела ладонью по его щеке, потянулась к его лицу и поцеловала. Поцелуй был долгим и страстным. Он обнял меня за талию, прижал к себе. Зал огласился свистом и одобрительными криками. Я медленно отстранилась, не отрывая взгляда от изумленных глаз Кадена.

– Я привыкла к Убийце за долгое путешествие по Кам-Ланто, – обратилась я к Комизару. – Лучше уж останусь с ним, чем с этим подлым паразитом.

С этими словами я в последний раз смерила Рейфа пре-

зрительным взглядом. В его глазах плескалась холодная ненависть. Но он был жив. Самое главное – никто не заподозрил, что он – то, что можно у меня отнять.

Глава десятая

Комната Кадена располагалась в конце длинного темного коридора. В нее вела низкая дверь с заржавленными петлями и замком в виде кабаньей морды. Когда Каден попытался ее открыть, дверь не подалась, наверное, дерево разбухло – ему пришлось навалиться на нее плечом. Та жалобно заскрипела, наконец распахнулась, с грохотом ударившись о стену. Каден взмахнул рукой, приглашая меня войти первой. Я ступила внутрь, почти ничего не различая, только услышала, как за спиной тяжело грохнула дверь. Раздались шаги Кадена – подойдя, он остановился так близко, что я почувствовала жар его тела. Я до сих пор ощущала вкус его губ на своих губах.

– Ну, вот и пришли, – просто сказал он, и я была благодарна ему за то, что отвлек меня от тяжелых мыслей. Я осмотрелась, наконец-то оценив размеры комнаты.

– Здесь просторнее, чем я ожидала, – заметила я.

– Это башенная комната, – ответил он, как будто это что-то объясняло. Впрочем, может, и объясняло: комната была большой, а наружная стена закругленной. Я сделала еще несколько шагов и наступила на ковер из густого черного меха, настоящее облегчение для босых ног после холодного пола. Я зарылась пальцами в мягкую шерсть, и тут мой взгляд упал на кровать. Узкую койку, придвинутую к стене. Я об-

ратила внимание, что на самом деле вся мебель здесь стояла впритык к стенам – ровно, упорядоченно, как в казарме у солдат, для которых важно лишь, чтобы вещи были расположены удобно. Рядом с койкой – деревянная тумба со стопкой сложенных одеял, массивный сундук, нетопленная холодная печь, пустой ларь для угля, еще сундук и таз для умывания. У противоположной стены вразнобой выстроились самые разные предметы: метла, деревянные тренировочные мечи, три железных прута, высокий подсвечник и многострадальные, облепленные комьями засохшей грязи сапоги, в которых Каден пересекал Кам-Ланто. Над головой у нас висел светильник в грубой деревянной раме. Масло в нем побурело от времени. Но потом я заметила детали, необычные для солдатской казармы, и внезапно мне показалось, что эти мелочи затмевают собой и превосходят размером целую комнату.

Несколько книг лежали стопкой под кроватью. Доказательство того, что он лгал, что не читает. Было и несколько деталей, от которых у меня ком встал в горле. В дальнем конце комнаты с потолочной балки свисали осколки голубого и зеленого цветного стекла на плетеном кожаном шнурке. В углу стоял стул, а перед ним на полу лежал бугристый ковер из пестрых лоскутков и непряденой шерсти. *Дары этого мира. Они могут быть разными – разного цвета и силы.* Ковер Дихары. А дальше, в плоской корзинке на полу, хранились ленты, не меньше дюжины каждого цвета, расписанные солнцами, звездами и полумесяцами. Я подошла бли-

же и подняла одну, пропустила между пальцами багряный шелк. У меня сильно защемило в глазах, и я заморгала.

– Они всегда дарили мне что-то на память, когда я уезжал, – пояснил Каден.

Только не в последний раз. Ничего, кроме проклятия от милой, нежной Натии, пожелавшей, чтобы камнями из-под копыт моей лошади ему выбило зубы. Никогда больше он не будет желанным гостем в стане кочевников.

Меня охватил ужас. Что-то надвигалось, даже кочевники это чувствовали. Я видела это в глазах Дихары, ощущала в дрожании ее рук у себя на щеках, когда она прощалась со мной. *Обращай свое ухо к ветру. Будь тверда.* Слышался ли ей какой-то шепот в долине? Я ощутила его сейчас, что-то будто просачивалось сквозь пол, стены, ползло, поднималось по колоннам. Окончание. Или, может быть, я просто чувствовала приближение собственной смерти.

У меня за спиной раздались шаги Кадена. Он положил руки мне на талию и притянул меня к себе.

Я прерывисто вздохнула.

Его губы прижались к моему плечу.

– Ах, Лия, наконец-то мы можем...

Я закрыла глаза. Нет, я не могу этого сделать. Сделав шаг назад, я резко развернулась, оказавшись с ним лицом к лицу.

Каден смотрел на меня, насмешливо приподняв брови. На лице у него была улыбка – широкая, понимающая. Он *знал*.

На меня разом накатили ярость и чувство вины. Отвер-

нувшись, я отошла к сундуку, рывком откинула крышку. Мне нужна была ночная сорочка, и больше всего для этого подходила одна из его просторных рубаш. Я вытянула такую наружу и выпрямилась.

– И я занимаю кровать! – я швырнула ему сложенное одеяло.

Каден со смехом поймал его.

– Не злись на меня, Лия. Запомни, я могу отличить настоящий поцелуй от представления, разыгранного перед Коми-заром.

Настоящий поцелуй. Этого я не могла отрицать – в первый раз мы и в самом деле целовались по-настоящему.

Он кинул одеяло на ковер.

– До нашего поцелуя на лугу этому как до луны – хотя, признаюсь, и он, пусть даже фальшивый, для меня также очень ценен.

И Каден озорно коснулся пальцем угла рта, будто лелея это воспоминание.

Я смотрела на него, его глаза все еще лукаво поблескивали, и что-то шевельнулось у меня в груди. Я увидела парня, который на мгновение забыл, что был Убийцей, тащившим меня сюда против воли.

– Почему ты мне подыграл? – спросила я.

Его улыбка погасла.

– У нас был трудный день. Длинный день. Я хотел дать тебе время. А может, надеялся, что из всех зол я все-таки

наименьшее.

Он был проницателен – но все-таки догадывался не обо всем.

Каден указал на сундук.

– Если пороешься как следует, в нем найдутся еще и теплые шерстяные носки.

Я послушалась совета и на самом дне обнаружила три пары длинных серых носков. Каден отвернулся, и я смогла, наконец, скинуть проклятое рубище, сотканное, казалось, из тысячи колючек. Его рубаха оказалось мягкой и теплой, она была мне по колено, а носки кончались чуть ниже.

– На тебе все это смотрится куда лучше, – заметил Каден, повернувшись. Он пододвинул шкуру поближе к кровати и взял одеяла из стопки, разложив их на меху одно рядом с другим. Пока он возился со свечкой и готовился ко сну, сбрасывая сапоги и ремни, я умылась в углу над тазиком. За дверью в дальнем углу, пояснил Каден, туалет. Это был тесный закуток, и роскошью в нем даже не пахло, но после нескольких последних ночевок на биваках среди сотен солдат, где невозможно было уединиться, он показался мне царским чертогом. Здесь имелись крючки для полотенец и даже еще один половичок Дихары, чтобы не стоять на голом полу.

Когда я вернулась в комнату, Каден спустил с потолка светильник и прикрутил в лампе фитилек. В золотистом мерцающем свете единственной свечки я забралась на узкую койку и долго лежала, глядя в потолок, по которому плясали

длинные тени. Снаружи завывал ветер, хлопал деревянными ставнями. Я натянула шерстяное одеяло до подбородка. *У эмиссара и то большие шансов дожить до конца месяца, чем у тебя.*

Я перевернулась на бок и свернулась клубочком. Каден лежал на спине, заложив руки за голову, и смотрел в потолок. Одеяло закрыло его лишь по грудь, плечи были обнажены. Мне были видны шрамы, о которых он говорил, что они не имеют значения, но отказался о них рассказывать. Я подвинулась ближе к краю койки.

– Расскажи мне о Санктуме, Каден. Помоги понять твой мир.

– Что ты хочешь знать?

– Всё. Про наместников, братию, про всех, кто еще здесь живет.

Каден повернулся ко мне лицом и приподнялся на локте. Он рассказал, что Санктум – это сердце города, его защищенная часть, неприступная крепость, в которой находился Совет, правивший Вендой. Совет состоял из Легиона наместников четырнадцати провинций, десяти рахтанов – элитных гвардейцев Комизара, пяти *чивдаров*, которые надзирали за армией, и самого Комизара. Всего тридцать человек.

– А ты рахтан?

Он кивнул.

– Вместе с Гризом, Маликом и семеркой других.

– А как же Финч и Эбен?

– Эбен пока учится, готовится в один прекрасный день стать рахтаном. Финч – один из лучших гвардейцев, которые помогают рахтанам, но вне службы он живет за пределами Санктума со своей женой.

– А остальные рахтаны?

– Четверых ты видела сегодня вечером: Джорик, Терон, Дариус и Гуртан. Остальные в отъезде, по разным служебным надобностям. *Рахтан* означает «не знающий неудач». В этом и состоит наша служба – надежно исполнять свой долг, – и мы никогда не подводим, не знаем неудач.

Если бы не я. Я его неудача, провал, если только не докажу свою ценность для Венды – а об этом, судя по всему, мог судить Комизар и только он один.

– Но есть ли у Совета реальная власть? – спросила я. – Разве Комизар не решает все вопросы единолично?

Он снова лег на спину и подложил руки под голову.

– Вспомни кабинет министров своего отца. Они ему советуют, предлагают варианты, но разве последнее слово не остается за ним?

Я думала об этом, но уверенности у меня не было. Мне приходилось подслушивать заседания кабинета, скучнейшие дела, по которым, казалось, уже имелись готовые решения, члены кабинета сыпали цифрами и фактами. Редко их речь заканчивалась вопросом к отцу или просьбой принять решение. Если же сам отец задавал им вопрос, то вперед выступал

вице-регент, канцлер или кто-то еще из кабинета и заявлял, что они еще раз всё изучат и соберут необходимые сведения, а пока надо двигаться дальше – и совещание продолжалось.

– У Комизара есть жена? И наследник?

Каден фыркнул.

– Жены нет, а дети – если у него и есть дети, они не носят его имя. В Венде власть не наследуется, она передается через пролитую кровь.

Комизар сказал мне правду. Это разительно отличалось от дипломатических принципов Морригана, да и других королевств.

– Не вижу в этом смысла, – сказала я. – Ты хочешь сказать, что место Комизара может занять любой, кто его убьет? Тогда что мешает какому-нибудь члену Совета прикончить его и забрать власть в свои руки?

– Это слишком опасная должность. Стоит ее занять, как у тебя на спине будто появляется мишень. Если окружающие не увидят, что от тебя живого больше толку, чем от мертвого, едва ли доживешь до ужина. Мало кому приходит охота попытаться счастья.

– Какой жестокий способ решения проблем.

– Согласен. Но это означает, что если уж ты решился стать правителем, то должен не покладая рук трудиться во благо Венды. И Комизар это понимает. В Венде кровавые расправы творятся быстро. Нужно быть очень сильным человеком, чтобы держаться этой линии и остаться живым.

– И как он с этим справляется?

– Лучше прежних комизаров. Остальное не так важно.

Каден продолжил свой рассказ – о разных провинциях, больших и совсем маленьких, каждая со своими неповторимыми особенностями и людьми. Смена наместников происходила по тому же принципу: если наместник слабел или начинал лениться, он получал вызов. По большей части наместники нравились Кадену, некоторых он сторонился, а кое-кого относил как раз к тем слабым и ленивым, которым не суждено будет задержаться в этом мире надолго. Наместникам полагалось раз в месяц переезжать, чередуя жизнь в столице губернии и в провинции, но большинство предпочитали Санктум своим крепостям и старались задержаться здесь подольше.

Если уж этот мрачный город они предпочитали своему дому, мне трудно было представить, какие это должны быть жуткие места. Я расспросила Кадена о странной, поразившей меня архитектуре. Он объяснил, что Венда была построена на развалинах другого, погибшего города, а руины использовались в качестве строительного материала.

– Когда-то здесь стоял великий город. Мы только начинаем постигать его величие. Считают даже, что именно он хранит знание Древних.

Это было сильное заявление, непомерное притязание для такого окаянного города.

– Что заставляет вас так думать? – спросила я.

Каден рассказал, что у Древних были громадные, невероятно прекрасные храмы глубоко под землей, хотя он не был уверен, всегда ли они находились там или оказались погребенными во время катастрофы. Даже сейчас время от времени отдельные части города проваливались, буквально складывались внутрь, и на месте руин возникали пустоты. Иногда это вело к открытиям. Еще Каден поведал мне подробности того, как устроен Санктум, сколько пристроек имеет его здание и каким образом они соединяются. Зал Санктума, башни и несколько залов для совещаний были частью основного здания, а Крыло Совета соединялось с ним туннелями или воздушными переходами.

– Но, каким бы огромным ни казался Санктум, это всего лишь маленькая частичка города, – говорил Каден. – Оставшаяся часть простирается на много миль и продолжает расти.

Я вспомнила свое первое впечатление от города, появившегося вдали, точно черное безглазое чудовище. Даже на таком расстоянии я ощущала его темную, беспросветную обреченность, этот город словно не знал, что такое завтра.

– А можно ли проникнуть внутрь другим путем, кроме моста, по которому шли мы? – поинтересовалась я.

Каден смолк и долго разглядывал балки на потолке. Он понимал, что я хотела узнать на самом деле – единственный ли это выход.

– Нет, – тихо ответил он в конце концов, – другого пути

нет, пока река не разольется на сотни миль к югу от нас и не умиротечит течение. Но в ее водах обитают такие твари, что мало кто решается встретиться с ними, даже на плоту. — Каден повернулся на бок и посмотрел на меня. — Только мост, Лия.

Мост, чтобы поднять или опустить который, требуется не меньше сотни мужчин.

Наши взгляды встретились, и незаданный вопрос: *как мне отсюда выбраться?* — повис между нами. Наконец я нарушила молчание, спросив об устройстве моста. Он выглядел настоящим конструкторским чудом, особенно по сравнению с убогим видом остального города.

Оказалось, что новый мост был возведен два года назад. До этого через реку вела узкая и шаткая веревочная переправа. Ресурсы Венды ограничены, но уж на что она не может пожаловаться, это на недостаток камня — а где камень, там и металл. Они научились добывать его и делать прочные сплавы, способные противостоять неистовой мощи реки.

Добыча металла из руды — задача не из простых, и меня невольно удивило, что «дикари» с ней справились. Еще раньше я обратила внимание на необычные браслеты Каланты — ничего подобного я не видела раньше, — прекрасный иссиня-черный металл ярко блестел на ее бледных запястьях. А как зазвенели металлические кольца вниз по ее рукам, когда она подняла блюдо с костями, — почти как колокола в Сакристе Терравина. *Слушайте. Боги близко.* Эти люди пренебрегали благословением богов — тем более поразительной была

тишина, воцарившаяся, когда Каланта заговорила.

– Каден, – прошептала я, – там, на ужине, когда Каланта благословляла пищу, ты еще сказал, что это благословение жертвоприношения. Какие там слова? Я поняла несколько, но были и новые для меня.

– Ты понимаешь больше, чем я ожидал. Сегодня ты удивила всех, когда заговорила.

– Уж для тебя-то это не было сюрпризом – после моей отповеди утром.

Он ухмыльнулся.

– Употреблять выразительные венданские словечки – не то же самое, что владеть языком.

– И все же: там были слова мне не знакомые. Никто из вас ни разу не благословлял еду на пути через Кам-Ланто.

– Мы привыкли проживать самые разные жизни. Выезжая за пределы Венды, кое-какие привычки безопаснее оставлять дома.

– Научи меня молитве Каланты.

Каден приподнялся и сел ко мне лицом. Пламя свечи освещало его лицо с одной стороны.

– *E cristav unter quiannad*, – благоговейно произнес он. – Вечно памятная жертва. *Meunter ijotande*.

Никогда не забываемая. *Yaveen hal an ziadre*. Во все дни нашей жизни.

Слова проникли мне в душу, и я поняла, до чего неверно истолковала ношение костей.

– В Венде часто приходится голодать, – объяснил Каден. – Особенно зимой. Кости – символ благодарности и напоминание о том, что мы живы только благодаря жертве, пусть даже самых мелких и ничтожных существ, общей жертве многих.

Meunter ijotande.

Я покраснела от стыда, вслушиваясь в красоту каждого звука того языка, который совсем недавно называла рычанием дикарей. И странно было, что я испытываю это чувство одновременно с горькой обидой, даже озлоблением из-за своего плена.

Сколько раз там, в Терравине, я всматривалась в Кадена, пытаюсь понять, какая буря бушует в его глазах. Что ж, теперь я хотя бы отчасти понимала, что это за буря.

– Прости, – прошептала я.

– За что?

– За то, что не понимала.

– Как бы ты могла понять, не очутившись здесь? Венда – другой мир.

– Там было еще одно слово. Его говорили все вместе, под конец. *Raviatma*.

Выражение его лица смягчилось, в глазах зажглись теплые искорки.

– Это значит... – Он потряс головой. – Знаешь, в морриганском нет точного перевода для *raviatma*. Это слово любви, и оно имеет множество значений, в зависимости от ситуации. Даже интонация, с которой его произносят, может

менять его смысл. *Pavia, paviatas, paviamad, paviamande.* Дружба, благодарность, участие, милость, прощение, любовь.

– Это прекрасное слово, – шепнула я.

– Да, – согласился он. Я смотрела, как его грудь поднимается от глубокого вздоха. Он заколебался, как будто хотел еще что-то добавить, но потом лег на спину и уставился на балки. – Нам надо хоть немного поспать. Комизар ждет нас завтра рано утром. Может, ты хочешь еще что-то узнать?

Комизар ждет. Тепло, только что наполнявшее комнату, улетучилось от этих слов, и я плотнее закуталась в одеяло.

– Нет, – прошептала я.

Каден протянул руку и пальцами погасил свечу.

Но один вопрос продолжал меня мучить – вопрос, который я боялась задать. Правда ли, что Комизар отошлет Рейфа домой по кускам? В глубине души я знала ответ. Венданцам не в новинку были кровавые расправы над людьми – среди их жертв был и мой собственный брат, я видела эту бойню, а Комизар похвалил их за нее. *Славная работа, чивдар.* Что для них какой-то эмиссар? Единственное, что я могла сделать, это не дать понять, что Рейф и есть то ценное, что можно у меня отнять.

Я отвернулась к стене, но заснуть не могла и слушала, как шумно дышит и без конца ворочается Каден. Я задумалась, сомневался ли он когда-нибудь в выборе, который делал, и обо всех глотках, которые он перерезал без сожалений? На-

сколько проще была бы его жизнь, если бы он, повинувшись полученному приказу, перерезал горло мне. Ветер усиливался, дул во все щели. Я куталась в одеяла и размышляла, что меня ждет немало сомнений по поводу вещей, которые мне только предстояло сделать.

Комната надвинулась на меня. Темнота и мрак вдали от всего, что только было мне знакомо. Я снова была ребенком, которому хотелось забраться на руки к маме, чтобы она обняла и шепотом прогнала все страхи. Неукротимый ветер все бился в стены, рвал ставни. Я почувствовала на лице что-то мокрое. Вытянув из-под одеяла руку, я смахнула со щеки соленую влагу.

Удивительно.

Просто удивительно.

Так, пожалуй, можно поверить, что в мире есть вечные вещи.

Слеза.

Если бы только она могла что-то изменить.

Глава одиннадцатая

Каден

Развлекайся пока со своей зверушкой.

Каждое слово в этой фразе вонзалось в меня, как кинжал.

Развлекайся.

Видя ужас Лии, я не мог даже думать о каких бы то ни было развлечениях. А видя, как она идет по залу в рубище, я почувствовал себя так скверно, как не бывало мне, пожалуй, с раннего детства. Почему я не догадался, что будет именно так? Неужели я туп, как Малик? Конечно, Комизар не стал бы чувствовать ее как дорогую гостью. На подобное я и не рассчитывал, но видеть, как она придерживает мешковину, пытаюсь прикрыть наготу...

Я хлопнул дверкой одного шкафа в кладовой и бросился к другому под испытующим взглядом кухарки. Она явно была недовольна моим набегом на кухню.

– Ну-ка! – рывкнула она и шлепнула меня по руке, когда я потянулся к кругу сыра. – Я сама.

Она взялась за нож, чтобы отрезать для меня кусок. Я наблюдал, как она снует по кухне, собирая мне поесть.

Со своей зверушкой.

Я знал, как Комизар относится к дворянам и королям. И не винил его за это. Я и сам относился к ним так же, но Лия не была похожа на изнеженную эгоистку в короне. Когда она, бросив вызов всем нам, убила коня Эбена, это не было поступком неженки.

Пока.

Временно. Мимолетно. Непостоянно. Но я считал, что привел Лию в Венду на всю жизнь. Что это конец – и начало. А может, это было и возвращение какой-то частицы меня самого? Частицы, которую я считал давно умершей, но теперь не хотел бы ее утратить. *Не делай этого.* Эти слова обожгли меня словно удар бичом там, в Терравине, когда я смотрел, как она идет одна по лесу. Они стучали у меня в голове позже, когда я точил свой нож о брусок, таясь в конюшне.

Никогда раньше не бывало, чтобы я не выполнил приказ. Но я ослушался не просто потому, что подпал под очарование девчонки. Лию трудно было назвать очаровательной. По крайней мере, не в расхожем смысле. В ней было что-то большее, что и привлекало меня. Я тогда решил, что нужно просто притащить ее в Венду, а уж когда она окажется здесь, убивать ее не будет причины. Она будет в безопасности. О ней скоро забудут, а Комизар увлечется другими своими замыслами. *Я сам решу, как использовать ее наилучшим образом.* Но теперь Лия могла оказаться частью этих замыслов.

Ее слова на поле битвы с того самого дня эхом отдавались у меня в ушах – *во веки веков*, – но впервые я начал понимать,

какое это долгое время. Мне было только девятнадцать, а казалось, будто я уже прожил две жизни. Теперь начиналась третья. Жизнь, в которой мне придется постигать новые законы. Жить в Венде и охранять жизнь Лии. Если бы я просто выполнил свое дело, как всегда было раньше, ни о чем таком не пришлось бы беспокоиться. Лия превратилась бы в очередную зарубку на моем ремне. Но теперь она была не зарубкой, здесь было что-то совсем другое. И это не укладывалось ни в какие законы Венды.

Она просит еще историю, такую, чтобы помогла скоротать время и забыть о голоде.

Я ищу правду, вспоминаю приметы мира, которого уже давным-давно нет – я уже не уверена, был ли он когда-то.

Когда-то очень-очень давно

За сотни лет до того, как по земле бродили чудища и демоны,

Во времена, когда дети свободно бегали по лугам,

А на ветвях деревьев висели тяжелые спелые фрукты,

Были города, большие и прекрасные, со сверкающими башнями, что касались небес.

Из чего они были созданы, может, из волшебства?

Я сама была тогда почти ребенком. И верила, что они сумеют удержать целый мир. Мне казалось, что они сделаны из...

Да, из волшебства и света, и из мечтаний богов.

А принцесса там была?

Я улыбаюсь.

Да, дитя мое, чудесная принцесса, точь-в-точь такая, как ты. А у принцессы был сад с деревьями, на которых зрели плоды величиной с мужской кулак.

Девочка глядит на меня с недоверием.

Она никогда не видела яблока, зато повидала достаточно мужских кулаков.

Такие сады правда есть, Ама?

Больше уже нет.

Да, дитя мое, они растут где-то далеко. И когда-нибудь ты их отыщешь.

Последний завет Гюдрель

Глава двенадцатая

Я проснулась, как от толчка, и стала осматриваться, хватая воздух ртом. Каменные стены, деревянный пол, тяжелое шерстяное одеяло, покрывающее меня, и просторная мужская рубаша, заменившая мне ночную сорочку. Это не сон. Я действительно здесь. Я взглянула на шкуру на полу – никого. Одеяла аккуратно сложены и лежат там, откуда были взяты вчера.

Каден ушел.

Прошлой ночью бушевала буря. Ветры – таких мне не доводилось слышать за всю жизнь – носились по городу и колотились о стены домов. Я думала, что не смогу уснуть, но все же меня сморил тяжелый сон, в котором я ехала по бесконечной саванне в высоких травах, укрывавших меня с головой, и натывалась на Паулину, которая молилась обо мне на коленях. Потом я оказалась в Терравине. Берди поила меня теплым бульоном из чашки, трогала мне лоб и шептала: *Видишь, что ты натворила*. Внезапно Берди превратилась в маму, придвинулась вплотную, ее дыхание обжигало мне щеку: *Теперь ты солдат, Лия, солдат в армии твоего отца*. Я села, думая, что проснулась, но тут ко мне подошла чудесная, нежная Грета с золотыми косами, короной уложенными вокруг головы. Ее слепые глаза невидяще смотрели в пустоту, а с носа капала кровь. Она пыталась выговорить *Вальтер*,

но не могла, потому что ее горло было пронзено стрелой.

Но окончательно меня разбудило последнее сновидение. Это был даже не совсем сон, просто вспышка цвета, намек на движение, какое-то неуловимое ощущение. Было там холодное, широкое небо, конь и Рейф. Мне было видно его лицо сбоку, очертания скулы, развевающиеся на ветру волосы, и я знала, что он покидает меня. Рейф ехал домой. Мне бы радоваться, а я вместо этого чувствовала страшную боль утраты. Я оставалась. Он уезжал без меня. Я лежала, задыхаясь, и уговаривала себя, что на меня так подействовали слова Комизара. *У эмиссара и то большие шансов дожить до конца месяца, чем у тебя.*

Сбросив одеяло, я вскочила с койки и вдохнула полной грудью, пытаясь сбросить тяжесть, сдавившую мне грудь. Потом стала осматриваться в комнате. Я не слышала, как ушел Каден, но ведь я не слышала его и в ту ночь в Терравине, когда я спала, а он пришел меня убить. Да, он умел двигаться бесшумно, в этом его сила – и моя слабость. Подойдя к двери, я подергала, но она была заперта. Я подбежала к окну и распахнула ставни. Порыв прохладного ветра ударил в лицо, руки мгновенно покрылись гусиной кожей. Город лежал передо мной сверкающий и мокрый от дождя, дымчато-розоватый в неярком предутреннем свете.

Вот она, Венда.

Чудовище просыпалось, мягкое его подбрюшье только начинало шевелиться и урчать. По узкой улочке прямо подо

мною медленно ехала телега, запряженная лошадей, которую вел под уздцы человек в плаще. В отдалении, по другой стороне торопливо шагала женщина с кувшином, расплескивая воду. В темноте копошились какие-то неясные фигуры. Тусклый утренний свет блеснул на краях парапетов, исчезал в зубчатых углублениях, медленно, будто неохотно разливался по неровным, чешуйчатым стенам и разбитым колеям грязных дорог.

Я услышала негромкий стук и обернулась. Звук был таким тихим, что я не поняла, откуда он доносится. Стучат в дверь или где-то снаружи внизу? Стук раздался снова. А потом я услышала, как в замке поворачивают ключ. Дверь приоткрылась на несколько дюймов, заныли ржавые петли. И снова тихий стук. Я схватила один из стоявших у стены деревянных тренировочных мечей и занесла его над головой.

– Войдите, – сказала я, готовясь нанести удар, если потребуется.

Дверь отворилась. За ней оказался мальчишка – один из тех, кто накануне таскал тачки с трофеями в зал Санктума. Его короткие светлые волосы были обкромсаны неровными прядями, большие карие глаза сделались еще больше при виде деревянного меча в моей руке.

– Госпожа? Я только хочу отдать ваши башмаки, – с опаской поглядывая на меня, он вытянул вперед руку с башмаками.

Я опустила меч.

– Извини. Я не хотела тебя...

– Вы не должны ничего объяснять, госпожа. Хорошо быть наготове. Это мог бы оказаться один из тех ужасных людей, – мальчишка вдруг хихикнул. – Но такой маленький меч не воткнуть им в зад даже на дюйм.

Я улыбнулась.

– Пожалуй, ты прав. А ты один из мальчиков, которые прислуживали прошлой ночью, верно? Один из тех, кто привез тачки.

Ребенок потупился и залился густым румянцем.

– Я не мальчик, госпожа. Я...

Поняв свою ошибку, я тихо ахнула.

– Девочка. Ну, конечно же, – поспешно заговорила я, стараясь помочь ей преодолеть смущение. – Просто я еще не проснулась окончательно. Вот и перепутала спросонья.

Она провела рукой по неровно остриженной голове.

– Не-а, это из-за лохматых волос. Нельзя работать в Санктуме, если у тебя вши, а я не очень-то умею обращаться с ножом.

Девочка была тоненькая, как ивовый прутик, никак не старше двенадцати лет, и женственность в ней еще не пробудилась. Рубашка и штаны были того же тускло-бурого цвета, что и у мальчишек.

– Но они отрастут и будут такие же длинные, как у вас, и я буду заплетать их в косы.

Она переминалась с ноги на ногу, потирая шуплые ручон-

ки.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Астер.

– Астер, – повторила я. Имя могучего ангела разрушения. Но это дитя больше походило на ангела-горемыку с неровно подстриженными крыльями.

Я слушала ее искаженный пересказ истории ангела Астера, совсем не совпадающий с морриганским Священным Писанием.

– Мой *bana* говорит, что мама дала мне это имя в честь ангела прямо перед тем, как испустила дух. Он сказал, что она улыбалась и вся светилась, а потом назвала меня Астер. Так зовут ангела, который указал Венде вход в город. Ангел-спаситель, так она его назвала. Вот... – она вдруг выпрямилась и плотно сжала губы. – Мне же сказали, чтобы я не болтала. Простите, госпожа. Вот ваши башмаки.

Астер шагнула вперед, поставила мои ботинки на пол и попятилась назад.

– Там откуда я родом, Астер, пара слов не называется болтовней. Это просто вежливость и дружелюбие. Я хотела бы, чтоб ты заглядывала ко мне поболтать почаще, хоть каждый день.

Девочка заулыбалась и задумчиво провела рукой по вихрам. Мои башмаки были начищены и аккуратно зашнурованы.

– Где же ты их отыскала? – поинтересовалась я.

Молчаливость не относилась к сильным чертам Астер, и меня это порадовало. Между нами было что-то общее. Она рассказала, что башмаки ей передал Эбен, успевший подобрать их раньше, чем их продали на базаре. Одежды моей уже след простыл, а ботинки он тихонько стащил, да еще и вычистил их для меня. Если кто-нибудь узнает, его высекут, но Астер уверяла меня, что волноваться не о чем – Эбен себя не выдаст, он ловкий и хитрый.

– Если кто и хватится башмаков – пусть думают, что они сами ушли.

– И тебя тоже могут высечь за то, что принесла их мне? – спросила я.

Астер понурилась, снова краснея.

– Я не такая храбрая, госпожа. Простите. Я принесла их по приказанию Убийцы.

Я присела на корточки и посмотрела ей в глаза.

– Если ты просишь называть тебя Астер, тогда зови меня Лия. Сокращенно от Джезелия. Хорошо, Астер?

Она кивнула. Только теперь я в первый раз увидела золотое кольцо у нее на большом пальце, такое большое, что, боясь его потерять, она сжимала кулак. Это было кольцо морриганского гвардейца. Девчонка стащила его из груды трофеев.

Она заметила, что я разглядываю кольцо, и открыла рот.

– Это моя доля, – объяснила она. – Я не оставлю его себе, продам на базаре. Я только до утра хотела поддержать его у

себя – оно такое блестящее, такое гладкое, прямо скользит по коже. Я весь вечер терла красный камень и загадывала желания.

– Твоя доля? О чем ты говоришь, Астер?

– Комизар всегда разрешает возчикам тачек первыми взять что-нибудь себе.

– Наместники подходят после вас?

Астер кивнула.

– Весь Совет подходит после нас. Комизар следит за этим. Вот уж мой *бана* порадует такой добычей. Старшины кварталов любят кольца. За это можно получить целый мешок зерна, а *бана*, если надо, сумеет растянуть мешок на целый месяц.

Я с удивлением слушала, как она говорит о Комизаре – у нее он выходил скорее благодетелем, чем тираном.

– Ты сказала *всегда*. Что же, в Санктум привозят много добра?

– Нет, – ответила девочка. – Раньше каждые несколько месяцев приходили торговые караваны, но сейчас только военные трофеи. За последний месяц их привозили шесть раз, но нынешняя добыча самая богатая. А до них были совсем маленькие – всего по три-четыре тачки.

Военные трофеи. Беспощадно вырезанные патрульные отряды. Группы из нескольких человек, ехавших навстречу гибели, даже не подозревая, что условия игры изменились. Они больше не гоняют немногочисленных варваров прочь

от границы. Теперь за ними охотятся организованные дружины. Для чего? Чтобы жаловать кольца слугам? Нет, здесь что-то другое. Что-то настолько важное, что был послан наемник убить меня.

– Я что-то не так сказала, госпожа?

Опомнившись, я снова увидела перед собой Астер. Она ждала моего ответа, закусив губу.

Неожиданно прозвучавший голос заставил нас обеих вздрогнуть.

– Дверь у вас открыта нараспашку. Сколько, интересно, нужно времени на то, чтобы отдать пару башмаков?

Мы с Астер не заметили, как подошел Каден. Он остановился в дверях, сурово глядя на девочку.

– Немного, – выдохнула она, – но я только что пришла сюда. Правда. Я не болтала.

Она просочилась за спиной у Кадена, перепуганная, словно мышь, за которой гонится кошка, только эхо ее удаляющихся шагов в коридоре донеслось до нас. Каден улыбнулся.

– Ты ее спугнул. Тебе полагается быть таким грозным? – спросила я.

Удивленно подняв брови, он посмотрел на мои руки.

– Это не я держу меч.

Закрыв за собой дверь, Каден прошел по комнате, поставил на сундук фляжку и корзинку.

– Я принес поесть, так что тебе не придется спускаться в зал к общей трапезе. Поешь, оденься и пойдем. Комизар нас

ожидает.

– Одеться? Во что?

Каден посмотрел на рубище из мешковины, скомканное на полу.

– Нет, – сказала я. – Я надену твою рубашку и твои штаны.

– Я переговорю с ним, Лия, обещаю. Но сейчас я просто делаю, что...

– Он сказал, что я должна заслужить такую роскошь, как одежда, но не сказал, как. Я сражусь с тобой за эти вещи, – дразня его, я помахала мечом, описав в воздухе несколько кругов.

Каден замотал головой.

– Нет, Лия. Это не игрушка. Ни к чему хорошему это не приведет, только поранишься. Положи, – он разговаривал со мной, будто я была Астер, дитя, не сознающее последствий. Нет, хуже, он разговаривал со мной, как с пустоголовой принцессой, которая вообще ничего не соображает. Его голос звучал властно, снисходительно, в нем было больше венданского, чем когда-либо раньше. У меня в висках застучала кровь.

– Мне и раньше доводилось махать палкой, – заявила я. – Что еще нужно уметь?

Сжав губы и широко раскрыв глаза, я посмотрела на меч удивленно, точно в первый раз.

– А это рукоять, верно? – продолжала я, трогая деревянное перекрестье. – Я играла таким со своими братьями, ко-

гда была маленькой.

Я оглянулась на него и с вызовом подняла голову.

– Струсил?

Каден усмехнулся.

– Я тебя предупредил. – Он потянулся за вторым прислоненным к стене мечом, но тут я сделала выпад, ударив его в икру.

– Что ты делаешь? – вскрикнул Каден, морщась. Он прыгал на одной ноге, поджав раненую. – Мы же еще не начали!

– Нет, начали! Ты первый начал, несколько месяцев тому назад! – И я снова сделала выпад, нанеся удар по той же ноге сбоку. Каден схватил второй меч и выставил вперед, защищаясь. Он прихрамывал, морщась от непритворной боли.

– Ты не можешь просто...

– Позволь мне кое-что объяснить тебе, Каден! – я кружила вокруг него. Он поворачивался неуклюже из-за больной ноги, пытаясь держать меня в поле зрения. – Будь у меня настоящий меч, ты уже истек бы кровью. Ты начал бы слабеть, да и вообще вряд ли еще держался бы на ногах, потому что своим вторым ударом я рассекла бы тебе икроножные мышцы и сухожилия и вскрыла крупные сосуды. Все, что мне нужно теперь делать, это заставлять тебя двигаться – и с каждым ударом сердца ты терял бы кровь, пока не упал без чувств. Это случилось бы примерно сейчас.

Каден, моргая, растирал икру и одновременно удерживал меч, готовый отразить другие мои удары.

– Проклятье, Лия!

– Видишь ли, Каден, я, возможно, приврала немного. Вероятно, я была не совсем уж ребенком, когда в последний раз держала такую палочку в руках, и, вероятно, я с ней не просто играла. Не исключено, что братья научили меня играть нечестно, добиваясь преимущества. Может, они научили меня понимать, в чем моя слабость и в чем сила. Я понимаю, что вряд ли одержу полную победу над таким, как ты, зато легко смогу побить тебя по-другому. И, кажется мне, уже побила.

– Пока нет, – и он рванулся вперед, нанося быстрые удары, от которых я умудрилась увертываться, пока он не загнал меня в угол. Схватив меня за руку, в которой я держала меч, он пригвоздил ее к стене и навис надо мной, тяжело дыша. – А теперь преимущество у меня. – Он смотрел на меня сверху вниз, и его дыхание постепенно выравнивалось.

– Нет, – я стояла на своем. – К этому времени ты уже истек кровью. Ты мертв.

Он вгрызлся взглядом в мое лицо, губы. Его дыхание обжигало мне щеку.

– Пока еще нет, – прошептал он.

– Я надеваю твою рубаху и штаны или нет?

Он со свистом втянул воздух сквозь сжатые зубы. Потом выпустил мою руку и, хромая, побрел к стоящему в углу стулу.

– Не *так* уж сильно я тебя ударила, – заметила я.

– Несильно? – он сел и закатал штанину. Чуть повыше сапога уже образовалась шишка с куриное яйцо. Я присела и осмотрела ее. Вид у нее был нехороший. Мой удар оказался намного сильнее, чем я рассчитывала.

– Каден, я... – я вскинула голову и смотрела на него, не находя слов.

– Ты все объяснила, – вздохнул он.

И все же я не была до конца уверена, что он понял, почему я пришла в ярость или почему напала. Дело было не в одежде.

– Каден, я в плену в городе, где тысячи людей ненавидят меня и таких, как я. Вчера Комизар унизил меня перед всем вашим Советом. Но от тебя подобное отношение я вынести не могу. Ты так до сих пор ничего про меня и не понял? Да, принцессы кое-что умеют, не только хлопать ресницами. Ты – все, что у меня здесь есть. Мой единственный союзник.

Услышав слово *союзник*, Каден прищурил глаза.

– А как же Рейф?

– Он-то тут при чем? Этот коварный сообщник принца, пожалуй, больше других хотел бы видеть меня мертвой – его принц предает мое государство, предлагая союз твоему, а Рейф, помогая устроить эту сделку, преследует собственную выгоду. Все, что, как мне казалось, между нами было, осталось там. В прошлом. Для меня он тоже временное развлечение, романчик – и уж никак не союзник. Если здраво рассудить, он для меня – только досадная помеха.

Каден долго изучал мое лицо и наконец улыбнулся.

– А ты судишь и впрямь на удивление здраво.

Я опустила глаза – опухоль на его ноге надувалась на глазах.

– Есть у вас в Санктуме ледник?

Каден фыркнул.

– Мы же не в таверне у Берди, Лия, – он доковылял до сундука, покопался в нем, извлек какие-то штаны и широкий кожаный ремень и бросил на койку. – Думаю, это подойдет.

Я предусмотрительно подхватила с пола рубище из мешковины и, распахнув ставни, выкинула его в окно.

– *Jabavé!* – буркнула я ему вслед, решительно отряхнула руки и повернулась к Кадену. По крайней мере, одна проблема решена – никогда больше я не обряжусь в эту колючую мерзость.

Я заглянула в корзинку, принесенную Каденом.

– Что за срочное дело заставляет Комизара встречаться с нами в такую рань? – спросила я, впиваясь зубами в круглую булку с сыром. На память мне невольно пришли публичные наказания в Морригане. Их всегда приводили в исполнение на рассвете. Что если Комизар все-таки не поверил в историю Рейфа?

– Он уезжает на север, в провинцию Бальвуд. Тамошний наместник не явился на Совет – скорее всего, это означает, что его больше нет в живых, так что надо разобраться, в чем там дело, – ответил Каден. – Но до своего отъезда Комизар

намерен уладить кое-какие дела.

Уезжает. Это слово прозвучало музыкой – новости лучше этой я не слышала за последние несколько месяцев. Правда, меня все же беспокоило, что за дела он собирается улаживать. Я доела свой завтрак, и Каден вышел из комнаты, давая мне одеться. Дверные петли снова пронзительно заскрипели, и я подивилась тому, как это их визг не разбудил меня, когда он уходил сегодня утром.

Как приятно было снова надеть свои башмаки, *чистые*. Да к тому же еще и на чистые теплые носки. Сегодня непременно с благодарностью назову Эбена, когда буду возносить вечерние поминовения – теперь я неукоснительно возносила их каждый вечер, как бы заменяя Паулину. И мне казалось, будто я рядом с ней, по пути в Терравин, на пороге захватывающих приключений... а не одна в чужой стране, в самом конце одного из них.

* * *

Мы дошли до развилки, ведущей к крылу Совета. Снова долго шли по лабиринту коридоров и через открытые внутренние дворы, пробирались по узким галерейкам без окон, где путь освещали лишь тусклые фонари, развешанные далеко один от другого.

Каден предупредил меня, что Санктум, который строили и перестраивали на протяжении веков, весь пронизан забро-

шенными подземными ходами, некоторые из которых оканчиваются тупиками и смертельными ловушками, поэтому я должна держаться к нему поближе. Некоторые стены могли бы поведать о том, как их разрушали. Время от времени из тьмы возникали кучи щебня. Вид у них было жуткий: одна в темноте казалась воздетой рукой, другая – частью каменной головы, безучастно глядящей из стены, словно вечный заключенный. Попадались обломки мраморных плит с выгравированными надписями – письмами из прошлого. Буквы осыпались, текли, как слезы. Но всё это были в первую очередь просто камни, не хуже других, и их использовали для строительства города – использовали доступные ресурсы, как объяснил Каден. Все же, когда мы вошли в очередной тусклый проход, я что-то почувствовала и остановилась, притворившись, что завязываю шнурок на башмаке. Я прислонилась к стене. Биение. Предостережение. *Шепот.*

Может, я просто ошарашена зловещими тоннелями?

Джезелия, ты пришла.

Я так резко выпрямилась, что чуть не упала, потеряв равновесие.

– Ты идешь? – окликнул Каден.

Биение смолкло, но воздух стал ощутимо холоднее. Я посмотрела по сторонам. В коридоре раздавался только звук наших шагов. *Да, я испугалась, только и всего.* Каден двинулся дальше, и я поспешила за ним. Здесь была его стихия, так уверенно он шел по этому странному городу – а я была

сбита с толку. Каким же непривычным и чуждым должен был быть для него Терравин. *Но не был.*

Каден легко вписался в ту жизнь. Его морриганский был безупречен, а в таверне, заказывая эль, он держался непринужденно, как у себя дома. Не потому ли он был уверен, что и я так же легко войду в здешнюю жизнь, будто у меня никогда не было прошлого? Но я не такой хамелеон, как Каден, которому достаточно пересечь границу, чтобы превратиться в другого человека.

Мы поднялись по винтовой лестнице и оказались на чем-то вроде площади – неказистой и угрюмой, как всё в Венде, – вроде той, куда прибыли вчера. В дальнем конце я разглядела конюшни. Солдаты сновали туда-сюда с лошадьми. Под ногами вольно бродили куры, кудахча и уворачиваясь из-под конских копыт. Неподалеку от нас в загоне обрелась пара пятнистых свиней, а сверху, оглядывая площадь с насестов, оглушительно каркали во`роны – вдвое больше размером, чем самый крупный ворон в Морригане. Издали я увидела Комизара – он дирижировал руками, будто простой караульный, направляя в ворота какие-то возы. У этого главы государства, казалось, руки доходят до всего.

Рейфа я не увидела и почувствовала смесь тревоги и облегчения. По крайней мере, он не стоит здесь с веревочной петлей на шее, хотя это еще не гарантия того, что он в безопасности. Куда его поместили? Я знала только, что он где-то в защищенном месте по соседству с Комизаром. Могло

оказаться, что это место – не более чем тесная тюремная камера. При нашем приближении стража, наместники и рахтаны заметили, что Комизар бросил свое занятие и смотрит в нашу сторону. Все они тоже повернулись к нам. Мне показалось, что я чувствую давление тяжелого испытующего взгляда Комизара. Он ощупывал меня и мой новый наряд. Когда мы подошли ближе и остановились, он обошел вокруг меня, оглядев со всех сторон.

– Видно, вчера я недостаточно точно выразился. Предметы роскоши, такие как одежду и обувь, следует еще заслужить.

– Она заслужила их, – заявил Каден, почти перебивая Комизара.

На несколько мгновений повисло тревожное молчание, а потом Комизар закинул голову и заливисто захохотал. Остальные подхватили, поднялся гогот, а один из наместников заговорщицки ткнул Кадена в плечо. У меня пылали щеки. Больше всего хотелось побольнее лягнуть Кадена, но... его объяснение сохранило мне башмаки. Наместники обожали скабрёзности не меньше, чем солдатня в таверне.

– Неожиданно, – сказал Комизар, отдышавшись и с любопытством косясь на меня, – возможно, и принцессы все же на что-то пригодны.

Подошла Каланта, за ней четверо солдат, ведущие под уздцы коней. Я узнала породу – морриганские равианы, тоже трофейные.

– Это те самые? – спросил Комизар.

– Худшие из всех, – ответила Каланта. – Эти хоть и живы, но ранены. Раны нагноились.

– Так отведите их на скотобойню в Вельте, – распорядился Комизар. – Присмотри там, чтобы старшина Вельты справедливо распределил мясо – да проследи, чтобы все узнали, что это – дар Санктума.

Я видела, что лошади ранены, но раны были не смертельные – их ничего не стоило очистить и вылечить. Взмахом руки он отпустил Каланту и пошел к возам, велев Совету следовать за ним. Я заметила, как единственный светлый глаз Каланты смотрит ему вслед. Заметила я и то, с какой неохотой она отвернулась. Она тоскует? По *нему*? Я пригляделась к Комизару. Как сказала бы Гвинет, довольно смазлив, и есть в нем какой-то несомненный магнетизм. Он буквально излучает силу. Видно, что он умен, взвешивает каждое слово, а его манера держаться может внушать трепет. Но тоска? Нет. Вероятно, в ее взгляде было что-то, чего я не заметила.

Вокруг возов суетились погонщики, снимая парусину. Комизар заговорил с мужчиной, державшим в руках толстую книгу. Тощий, неопрятный, он показался мне странно знакомым. Говорил он негромко, стараясь, чтобы его голос не доносился до чужих ушей. Держась за спинами наместников, я исподтишка изучала его.

– Что такое? – шепотом спросил Каден.

– Ничего, – ответила я. Может, так оно и есть. Погонщики

сняли наконец парусину, и у меня тревожно заняло сердце. Ящики. Комизар еще не успел откинуть крышку, а я уже знала, что внутри. Отбросив солому, он стал вынимать бутылки и раздавать наместникам. Подошел он и к Кадену.

– Разве же я могу забыть о моем дорогом Убийце? Пей на здоровье, брат мой. – Комизар повернулся ко мне: – Что вы так бледны, принцесса? Или вам не нравится вино из собственных погребов? Уверю вас, наместники воздадут ему должное.

В ящиках оказалось легендарное канджовезе с виноградников Морригана.

Что ж, среди многих талантов Комизара числился и такой – грабить торговые караваны. Тем самым он обеспечивал себе безопасность. Щедрые дары, какие, казалось, только он один и умел добывать: Совету – бутылки редкостного вина, за которое в Малых королевствах платили баснословные деньги, слугам – подачки из добытых трофеев, голодающим – свежее мясо.

Но кормить людей и правда надо. С этим я не могла поспорить. И мой собственный отец тоже одаривал своих министров, хотя и не совершал ради этого разбойничьи набеги. Сколько морриганских караванщиков погибли от рук венданцев, чтобы Комизар мог раздавать свои милости? Что еще они украли и как убивали, чтобы заполучить добычу? Список смертей пополнялся.

Комизар предоставил наместникам рыться в остальных

ящичках, а сам направился в нашу сторону. Он бросил Кадену туго набитый мешочек, который звякнул у того на ладони.

– Отведи ее на *джехендру* и купи подходящую одежду.

Я с подозрением уставилась на Комизара.

Он с невинным видом приподнял брови, откинул с лица пряди темных волос. Сейчас он больше походил на мальчишку лет семнадцати, чем на тридцатилетнего государственно-го мужа. *Дракон во многих личинах*. И как мастерски он их носит.

– Не беспокойтесь, принцесса, – улыбнулся он. – Всего лишь подарок вам от меня.

Тогда откуда у меня эта ледяная пустота в груди? Что за резкий поворот от рубища из мешка до такого подарка – новой одежды? Казалось, он постоянно опережал меня на шаг, ясно понимая, чем на этот раз может вывести меня из равновесия. За любой подарок всегда приходится платить.

Конюх подвел Комизару его коня, а у ворот уже выстроился в ожидании целый эскадрон. Он взял поводья, выкрикнул слова прощания и добавил:

– Каден, в мое отсутствие ты остаешься Распорядителем. Пройдись со мной до ворот. Хочу кое-что тебе сказать напоследок.

Я смотрела, как они идут, рука Комизара на плече у Кадена, оба кивают, переговариваются. По спине пробежал холод, словно я увидела призраков. Вот точно так же мои родные братья, Реган и Брин, прогуливались по залам Сивики,

обсуждая свои секреты. Небольшой клин, который я вроде бы вбила между правителем и его рахтаном, исчезал на глазах. У них общая жизнь, общая история. Верность. Комизар называет его *братом*, да они и есть братья. Я отчетливо поняла – Каден мне не союзник, хоть недавно я и назвала его так. Он и не будет мне союзником, пока Венда превыше всего.

Глава тринадцатая

Каден

– Она свободно говорит по-нашему. Как такое возможно?

Прошлым вечером, когда Лия заговорила, он ничем не выдал своего удивления. Он ни за что не показал бы его. Удивляться на глазах Совета не в его правилах. Вообще-то Комизара, по-моему, трудно удивить, но сейчас в его голосе явно сквозила неуверенность. Странно, но я почувствовал что-то вроде гордости. Не один я недооценил Лию, когда только начал охоту на нее, – он недооценил ее тоже. Большинство этих надутых королевских деток даже не знают, в какой стороне лежит Венда, не говоря уж о том, чтобы говорить на ее языке.

– У нее дар к языкам, – объяснил я вслух, – а в пути через Кам-Ланто у нее было достаточно времени, чтобы выучить наш.

Комизар преувеличенно громко вздохнул.

– Еще один дар? Принцесса полна сюрпризов – правда, пока я не видел подтверждения тому дару, о котором ты говорил. То представление, которое она разыграла вчера, уставившись куда-то в пустоту, – обычное притворство. Хотя,

возможно, это даже лучше.

Он замолчал, оставив свою последнюю мысль недосказанной. Притворство – лучше, потому что им он может управлять.

– Меня не будет пару недель. Вряд ли больше. Но если к моему возвращению Тьерни так и не покажется – пусть пеняет на себя. Тогда твоя очередь прокатиться туда, показать силу и подыскать претендента на его место, которого мы могли бы ввести в круг. Мы не можем позволить себе наместников-отступников, когда на карту поставлено так много. Особенно учитывая, насколько важные поставки к нам идут из Арлестона.

– Тьерни всегда опаздывает.

– Опаздывает или нет, но, когда я вернусь, ехать тебе. Помни, что я сказал. Мы не петухи, стерегущие курочек. Мы рахтаны.

Рахтаны. Мне было одиннадцать, когда я впервые повторил за ним эти слова. Даже меньше, чем сейчас Эбену. К тому времени я уже год как был под его защитой. Это он следил за тем, чтобы мне давали двойную порцию еды. Благодаря этому мои ввалившиеся глаза стали выглядеть обычными, впалые щеки округлились, а на торчащие ребраросло мясо. Я произнес эти слова с той же гордостью, которую слышал в его голосе и сейчас. *Мы – рахтаны*, верные братья, неустрашимые и стойкие. С этой минуты Комизар стал растить будущего Убийцу. И я с восторгом и благодарностью

принял оказанную мне честь.

Я, наверное, был предан ему больше, чем кто бы то ни было. Ведь он тогда со многими расправился, чтобы спасти мои тощие кости. Я был обязан ему всем. Тогда Убийцей еще был он сам. Трое Убийц сменились за эти годы, никто из них не прожил дольше нескольких лет. Пятнадцатилетний, я стал самым юным из претендентов на это место. Это было четыре года назад.

Сколько крови на твоих руках, Каден? Скольких ты убил?
Я не мог ответить на вопрос Лии, потому что не знал наверняка. Я знал только булькающие хрипы перерезанных глоток. Судорожные вздохи, не приносящие избавления. Руки, слишком медленные, чтобы отразить направленное в их сторону оружие. Я знал изумленные глаза, которые, закрываясь, забирали с собой частицу меня. Все они слились в размытую маску. Но я знал – это предатели, изменники, скрывавшиеся в попытке избежать правосудия, или военные на заставах, чьи набегі стремительны и жестоки. Они расправлялись с семьями, которые, как семья Эбена, пытались обосноваться на пустых землях Кам-Ланто. Но Убийца мог лишь вселить ужас в противника и, возможно, уменьшить число нападений. Чтобы остановить их окончательно, нужна была регулярная армия.

В нескольких ярдах от ворот Комизар остановился.

– Мы не можем позволить себе поддаться слабости, и об этом я хочу поговорить, – начал он. – Три солдата бежа-

ли. Мы обнаружили дезертиров в стане кочевников. Те, кто укрывал их, получили свое, а солдат вернули сюда.

– Кочевники? Которые?

– В лесах к северу от Рей Ло.

Я тихонько перевел дух. Гибель каких-то кочевников не должна была бы меня волновать, но я питал особые чувства к Дихаре и ее клану. Я знал, Дихара слишком умна, чтобы укрывать дезертиров. Как и большая часть кочевых племен. Вести о лютых расправах разносились от стана к стану стремительно, как ветер.

Комизар сообщил мне, что беглецов казнят после третьего колокола перед строем их однополчан, и я должен буду зачитать обвинение.

Хотя за казни и наказания отвечал *чивдар*, последний допрос всегда проводили Комизар или Распорядитель. Они всегда обращались к присутствующим войскам, чтобы те засвидетельствовали оправдательный или обвинительный приговор, они же всегда давали последнюю команду – положить головы на плахи. За ними всегда была финальная отмашка палачам. Заключительные этапы свершаемого правосудия.

– Но помни, не спеши убивать их слишком быстро. Если мы хотим отучить других от тяги к подобным выходкам, нельзя торопиться. Проследи, чтобы они помучились. Ты позаботишься об этом, верно, брат?

Я посмотрел на него. Кивнул. Я всегда был готов испол-

нить свой долг.

Комизар дружески обнял меня и пошел прочь, но через несколько шагов вдруг остановился и оглянулся.

– Да, и не забывай кормить эмиссара. Боюсь, Ульрикс про него рано или поздно забудет, а я не хочу, вернувшись, обнаружить труп. Я еще не разобрался с нашим королевским посланником. Пока нет.

Глава четырнадцатая

Я заметила Грiza, выводившего лошадь из конюшни. Воспользовавшись тем, что Каден с Комизаром все еще разговаривали и не смотрели в мою сторону, я поспешно бросилась к нему. При виде меня он остановился, глядя, как всегда, угрюмо.

– Могу я поговорить с тобой? – спросила я. – Наедине.

Гриз огляделся.

– Мы тут одни, так что валяй.

У меня не было времени разводить дипломатию.

– Ты шпион? – спросила я напрямик.

Он шагнул вперед, набычившись, прижав подбородок к груди.

– Не о чем тут говорить, – негромко, но грозно прорычал он, косясь на наместников, гулявших неподалеку группками по двое-трое. – Я оказал тебе услугу, девочка. Ты спасла жизнь мне и моим товарищам. Я не люблю долго ходить в должниках. Теперь мы в расчете.

– Я не верю, что дело только в этом, Гриз. Я видела твое лицо. Тебе было не все равно.

– Не придавайте этому слишком большого значения, принцесса.

– Но мне нужна твоя помощь.

– Мы в расчете, принцесса. Что тут непонятного?

Но не могли мы с ним расстаться вот так. Мне требовалась его помощь.

– Я ведь могу рассказать им, что ты свободно говоришь по-морригански, – пригрозила я. Я так отчаянно нуждалась в нем, что была готова даже на шантаж.

– Если ты это сделаешь, то обречешь на смерть всю мою семью. Тридцать шесть человек. Братья, сестры родные и двоюродные, их дети. Больше, чем в том отряде, который убили у тебя на глазах. Ты этого хочешь?

Тридцать шесть. Вглядевшись в лицо Гриза, я прочла на нем страх, настоящий и неподдельный. Я помотала головой.

– Нет, – прошептала я, – я хочу совсем не этого.

Сказав это, я с горечью поняла, что моим надеждам не сужено сбыться.

– Твоя тайна в безопасности.

– И твой секрет тоже.

По крайней мере, я получила подтверждение, что Гризу и в самом деле известно, кто такой Рейф. Я была благодарна, что он спас его ради меня, но нам требовалось гораздо, гораздо больше.

Я уже открыла рот, чтобы задать еще один вопрос, но он резко повернулся, локтем больно ткнув меня в бок. Я согнулась пополам и припала на колено. Он склонился со злорадной усмешкой на лице, однако голос прозвучал тихо и ровно.

– За нами следят, – шепнул Гриз, – отскочи от меня.

– Тупоголовый болван! – выкрикнула я. – Смотри под но-

ги!

– Так правильно, – шепотом одобрил он. – Могу дать один совет. Хорошо, что ты завела дружбу с Астер. Этот постреленок знает в Санктуме все входы-выходы не хуже подвальной мыши.

Выпрямившись, он злобно уставился на меня.

– Тогда держись подальше и не попадайся мне под ноги! – с этим криком он затопал прочь. Несколько стоящих неподалеку наместников дружно расхохотались.

Подняв голову, я увидела, что за нами наблюдает Каден.

Он подошел и поинтересовался, что нужно было от меня Гризу.

– Ничего, – пожала я плечами. – Он только рычал да облизывался на трофеи, как и все прочие.

– И правильно делал, – заметил Каден, – Эта добыча, возможно, последняя, теперь долго ничего не будет. Скоро зима.

Он издал звук, похожий на хлопок закрывшейся двери. В Сивике не было большой разницы между зимой и летом: чуть холодней, ветры посильнее, плащ поплотнее да дожди. Но из-за этого ни торговлю, ни поездки не отменяли. А до зимы, по моим подсчетам, оставалось еще месяца два, не меньше. Стояла ранняя осень, дни были по-летнему теплыми. Вряд ли зима приходит в Венду раньше, чем в Сивику. И все же я заметила, что воздух стал прохладнее, что тусклее светит солнце, уже не такое ясное, как вчера. *Скоро зима. У*

меня перед носом захлопнулось уже достаточно дверей – я не могла позволить закрыть еще и эту.

* * *

Я плелась за Каденом через площадь до ворот, через которые мы вышли из Санктума. Он вел меня на *джехендру* за приличной одеждой, как приказал Комизар. Я старалась держаться поближе к нему, сторонясь и опасливо обходя людей. Отъезд Комизара оказался палкой о двух концах. Это дало мне передышку и возможность расслабиться – ведь от его внимания мало что ускользало, – но, с другой стороны, и он оказался вне моей досягаемости. Мне так хотелось расспросить Кадена о Рейфе – где он, как провел ночь, – но я понимала, что этим поселю в нем сомнения и недоверие. Я ведь уверяла, что мне дела нет до эмиссара, а если Каден что-то заподозрит, это поймет и Комизар. Я надеялась, что стражники больше не станут вымещать на Рейфе свою ненависть к дальбрекской свинье. Возможно, после вчерашнего ужина и явным знакам внимания к нему со стороны Комизара они станут вести себя сдержаннее.

Мы пошли рядом, но я заметила, что Каден время от времени начинал припадать на ногу.

– Прости, что так получилось с твоей ногой, – извинилась я.

– Ты сама сказала, в борьбе за выживание нет правил.

Твои братья хорошо тебя учили.

Я сглотнула комок в горле.

– Да, хорошо.

– И метать нож тоже они тебя выучили?

Я уже почти забыла про Финча и про то, как пыталась его убить. Каден не забыл.

– Братья учили меня разным вещам. Но в основном я просто присматривалась и мотала на ус, пока была с ними.

– Что же еще ты намотала на свой ус?

– Думаю, ты сам скоро узнаешь.

– Я что-то не уверен, что мои ноги хотят это узнать.

Я хмыкнула.

– Твои ноги пока в безопасности.

Каден покашлял, прочищая горло.

– Я хочу извиниться за то, как разговаривал с тобой сегодня утром. Знаю, это было...

– Высокомерно? Унизительно? Презрительно?

Он кивнул.

– Но пойми, я совсем не так к тебе отношусь на самом деле. Эти манеры настолько въелись за эти годы, что стали второй натурой. Особенно сейчас, когда я вернулся сюда. Я...

– Почему? За что? Ты когда-нибудь объяснишь мне, за что так ненавидишь королевские семьи? Ты ведь и не знаком ни с кем из них, кроме меня!

– Может, и не знаком, зато имел счастье хорошо узнать дворян. Разница, думаю, невелика.

– Ну да, – ехидно заметила я, – Убийца при дворе короля, знается с лордами и леди – да это же обычное дело! Назови имена. Хоть одного дворянина, которого встречал в жизни.

– Сюда, – Каден сжал мне локоть, направляя в узкий проулок. Он явно воспользовался первой возможностью, чтобы сменить тему. Я догадывалась, что ему нечего ответить на мой вопрос, но он не хочет признать, что ни с кем не знаком. Он ненавидит монархов лишь потому, что их ненавидит вся Венда. Здесь так полагается. Особенно венданцам, наделенным определенной властью.

– К твоему сведению, Каден, *твой* почитаемый правитель намеревается меня убить. Он сам мне об этом сказал.

Каден покачал головой и в доказательство того, что это неправда, поднял руку с кошельком Комизара.

– Он не собирается тебя убивать.

– Возможно, он просто хочет, чтобы на виселице я была нарядно одета.

– Комизар не вешает людей. Он их обезглавливает.

– Ах *вот как*. Какое облегчение. Спасибо, что утешил меня.

– Он не станет убивать тебя, Лия, – повторил Каден, – если ты не натворишь глупостей. – Остановившись, он схватил меня за руку. – Но ты ведь не собираешься делать глупости?

Прохожие замедляли шаг, глаза на нас. Я догадалась, что Убийцу все знают в лицо. Они знали, кто перед ними, и держались на почтительном расстоянии.

Я всмотрелась в лицо Кадена. Глупости... Ну, это с какой стороны посмотреть.

– Я собираюсь делать только то, что ты попросишь. Следовать твоим указаниям и пытаться убедить остальных в том, что имею дар.

Он подошел вплотную и понизил голос.

– Не переигрывай, Лия, и не пытайся угрожать ему своим даром, как Гризу и Финчу. С ним это не пройдет. Позволь ему использовать твой дар так, как он сочтет нужным.

– То есть помочь ему понять, что все это сплошное надувательство?

– Я отвечу твоими собственными словами: в борьбе за выживание правил нет.

– А если это все же не надувательство?

Каден помрачнел. Я вспомнила, что за все время нашего долгого пути через Кам-Ланто он ни разу не допустил, что я в самом деле могу быть наделена даром – даже когда я предупредила всех о приближении обезумевших бизонов. Как странно. Он использовал слух о моем даре как предлог, чтобы сохранить мне жизнь, но сам ни на миг в него не верил.

– Просто делай, что он велит, – произнес наконец Каден.

Я неохотно кивнула, и мы двинулись дальше. Он как будто даже с более глубоким почтением говорил сейчас о даре, чем Гриз и Финч. Так что же для него дар: некая неведомая сила, не подвластная ни Комизару, ни ему самому? Дихару очень рассмешила бы мысль о том, что можно использовать

дар на потребу Комизару. Она вспылила, когда я предположила что-то подобное. *Дар не подчиняется приказам, это тонкий путь познания. Искусство древнее, как сам мир.* С моих губ сорвался чуть слышный вздох. *Тонкий.* О, как бы мне хотелось, чтобы вместо этого дар оказался увесистой булавой, утыканной шипами...

Каден тем временем пустился в объяснения о том, что угрозы Комизара – это лишь способ устанавливать границы власти надо мной. Немного уважения с моей стороны может сотворить чудеса.

– Так его кошелек с монетами – это подкуп? Вроде краденых бутылок вина, которые он роздал наместникам? Он пытается купить мое расположение?

Каден краем глаза поглядел на меня.

– Комизару нет нужды кого-то покупать. Ты могла бы успеть это понять.

– Меня устраивает теперешняя моя одежда, твои штаны и рубаха. Другого мне не надо.

– Я не против, но мой гардероб не безграничен. Кроме того, мои вещи на тебе болтаются. Так вот, если Комизар хочет, чтобы у тебя была новая одежда, ты ее получишь. Не хочешь же ты оскорбить его неблагодарностью в ответ на великодушие. Ты говорила, что хочешь узнать мой мир. *Джесхендра* поможет тебе в этом.

Великодушие? Я чуть не поперхнулась. Но у Кадена словно глаза затягивало пеленой, когда речь заходила о Коми-

заре. А может, он просто лелеет несбыточные надежды – как Рейф, который рассчитывает выбраться отсюда с помощью четверки друзей, – что вдвоем с Комизаром они, против всех ожиданий, сумеют исправить всю несправедливость этого странного мира?

Я вприпрыжку шла рядом с ним, стараясь не отставать. Свое скептическое отношение к великодушию Комизара я решила до поры до времени не показывать, ведь знакомство с миром Кадена, включая *джехендру*, могло помочь мне вырваться из этого оставленного богами места. Сейчас меня интересовало другое.

– Он сказал, что в его отсутствие ты будешь Распорядителем. Что это значит?

– Почти ничего. Если в его отсутствие нужно принять какое-то решение, эта ответственность падает на меня.

– Кажется, это важная должность.

– Не особенно. Комизар жестко контролирует все, что касается Венды. Разве иногда приходится уладить какой-то спор между старшинами или отправить патрульный отряд.

– Ты можешь отдать приказ, чтобы подняли мост?

– *Только* при необходимости. А такой необходимости не будет, – как же явно звучала в этом ответе его преданность Венде.

Дальше мы шли молча. Я всматривалась в город, его гул наполнял мои уши. Это был шум от тысяч людей в непосижимой тесноте, нарастающий рокот дел, которые все они

спешили выполнить. Глаза смотрели на нас из приоткрытых дверей и лепящихся друг к другу хижин. Я прямо-таки чувствовала на спине провожающие нас длинные взгляды. Каким-то образом они понимали, что я здесь чужая. Улочка все сужалась, так что идущие навстречу венданцы стали задевать нас плечами, протискиваясь вперед, и кости на их поясах постукивали о каменные стены. Казалось, на каждом дюйме этого бесконечного города толпились люди. Рассказы о том, что они плодятся, как кролики, казались не такими уж далекими от правды.

Наконец, узкий проулок вышел на улицу пошире, оглашаемую голосами еще большего количества народу. Громоздкие постройки по обе стороны закрывали собой солнце, а прямо на их выступах неустойчиво балансировали лачуги. Город ширился и громоздился как попало, без всякой системы. Кое-где жилище было просто выгорожено куском хлопающей на ветру холстины. Люди селились, где только могли, они до отказа забивали темные, дымные проулки, устраивали в них какие-то норы, называя их своих домом.

За нами толпой бежали дети, наперебой предлагая купить у них котлеты из конины, амулеты на кожаных шнурках или даже мышь, копошившуюся в кармане. Мыши – их домашние питомцы? Только когда один мальчишка принялся расписывать, какая она мясистая и жирная, я поняла, чем же эти мыши являются для них на самом деле.

Пройдя не меньше мили, мы добрались до громадного от-

крытого базара. Это и была *джехендра*.

Это оказалось самое большое открытое пространство, какое я до сих пор видела здесь, в городе. Площадь, которую оно занимало, превышала, пожалуй, три турнирных поля. Постоянных, солидных построек было всего несколько, остальное походило на пестрое одеяло, сшитое из ярких, разноцветных лоскутов. Некоторые прилавки были устроены из обычных перевернутых ящиков с разложенными на продажу дешевыми безделушками. Голоса колокольчиков и барабанов, брелчание струн зитара плыли в воздухе, наполняя его нестройным ритмом, очень подходящим этому городу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.